

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях).

Действующие лица:

Петр, царь.

Алексей, царевич, сын Петра от первой жены, Авдотьи Лопухиной.

Екатерина, царица, вторая жена Петра.

Марья, царевна, сестра Петра.

Марфа, царица, вдова сводного брата Петра, царя Федора Алексеевича.

Толстой Петр Андреевич, сенатор.

Князь Долгорукий Василий, сенатор.

Кикин Александр Васильевич, адмиралтейц-советник.

Блюментрост, лейб-медик.

Румянцев, денщик Петра.

О. Яков, духовник Алексея.

Афанасьич, дядька, камердинер Алексея.

Сундулея, верховая боярыня царицы Марфы.

Докукин, подьячий.

Ефросинья, дворовая девка.

Аренгейм, врач.

Граф Даун, наместник императора Австрийского в Неаполе.

Вейнгарт, секретарь наместника.

Офицер караульный, в замке Сант-Эльмо.

В Петербурге и в Неаполе. 1717–1718 годы.

Первое действие

В Петербурге, в доме царицы Марьи Матвеевны, угловая горница. Окна на Неву; видны голландские шпицы и низенькие мазанковые домики Петербурга-городка. Солнечный зимний день. Царевич Алексей сидит у стола. Подьячий Докукин стоит перед ним.

Докукин. Антихрист хочет быть. Сам он, последний черт, не бывал еще, а щенят его народилось – полна поднебесная. Дети отцу своему подстилают путь. Все налицо антихристово строят. А как устроят, да вычистят гладко везде, так сам он и явится. При дверях уже – скоро будет...

Алексей. А вы почему знаете? Писано: ни Сын, ни ангелы не ведают[1] а вы знаете?.. (Помолчал). Из раскольников, что ль?

Докукин. Никак нет, православный.

Алексей. В Питербурх зачем приехал?

Докукин. С Москвы взят из домишку своего, по доношению во взятках.

Алексей. Брал?

Докукин. Брал. Не из неволи или какого воровства, а по любви и по совести, сколько кто даст за труды наши приказные. Насчитано оных дач на меня во многие годы 215 рублей, а мне платить нечем. Нищ есмь, стар, скорбен, убог, и увечен, и мизерен; приказных дел нести не могу, бью челом об отставке. Ваше премилосердное высочество, государь царевич Алексей Петрович, призри благоутробием щедрот своих, заступи, помилуй старца беззаступного!

Алексей. Ну, ладно, ужю просьбу подай.

Докукин шарит за пазухой и вынимает завалившиеся в карманную прореху бумаги.

Алексей. Что еще?

Докукин (подавая бумаги). Изволь честь, ваше высочество.

Алексей. Ну тебя! Не досуг мне. Ступай, ступай с Богом!

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org

Докукин. Дело, государь, превеликое. Смилуйся, пожалуй, чти!

Алексей. Эк пристал! (Заглядывая в бумаги). Да нацарапано как, не разберешь. Сам читай.

Докукин (крестится, читает). «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Поведено человеку от Бога самовластну быть»...

Алексей. Самовластну?

Докукин. Так точно, ваше высочество.

Алексей. В коем же разуме?

Докукин. А в разуме том, чтобы на воле человеку жить.

Алексей. На воле, вон чего захотел! Эх, ты... Ну, ладно, читай.

Докукин (читает). «Ныне же все мы от одного божественного дара, самовластной и вольной жизни, отверзаемы, а также домов и торгов, земледельства и рукодельства, и всех своих прежних промыслов и древле установленных законов, паче же и всякого благочестия христианского лишаемы. Из дома в дом, из места в место, из града в град гонимы, оскорбляемы и озлобляемы. Весь обычай свой и язык, и платье изменили, головы и бороды обрили, парсоны свои ругательски обесчестили. Иное же и сказать неудобно. – удобнее устам своим ограду положить. Но весьма сердце болит, видя опустошение земли и люд в бедах язвлен нестерпимыми язвами».

Алексей. Ну, буде. Длинно что-то писано. Конец читай.

Докукин. А в конце тако. (Читает). «О, таинственные мученики, не ужасайтесь и не отчаивайтесь, станьте добре с оружием креста на силу антихристову. Потерпите, Господа ради, мало еще потерпите! Не оставит вас Христос, Ему же слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Алексей. Для чего писал?

Докукин. В народ подметывать. Одно письмо такое же подкинул наемни здесь, в Питербурхе, у Симеония на паперти. А сию молитву прибить хочу у Троицы, возле дворца государева, дабы все, кто бы ни чел, знали о том и донесли бы царю. А писал сие во исправление, дабы некогда, пришед в себя, его царское величество исправилось.

Алексей. А ты, братец, не плут?

Докукин. Никак нет, государь, плутовства за мною не водится.

Алексей. А знаешь ли, Ларивон, что о сем твоим возмутительном и бунтовском писании я, по должности моей гражданской и сыновней, государю батюшке донести имею? Воинского же устава по артикулу двенадцатому: кто против его величества хулительными словами погрешит, – весьма живота лишен и отсечением главы казнен быть имеет.

Докукин. Воля твоя, ваше высочество, а я и сам думал с тем явиться, чтобы пострадать за слово Христово.

Алексей. В уме ли ты, старик? Подумай, что делаешь. Попадешь в застенок, – там с тобой шутить не будут: за ребро подвесят, да еще прокопят.

Докукин. Ну, что ж, государь, за помощью Божьей готов я и дух свой предать. Когда-де не ныне, умрем же всячески. Надобно что доброе сделать, с чем бы предстать перед Господа, а то ведь без смерти и мы не будем. (Потупившись, тихо). Человеку поведено от Бога самовластну быть...

Алексей. Давай их сюда.

Докукин подает бумаги. Алексей вынимает листок, зажигает о горящую в углу, перед образами, лампадку, вынимает отдушник из печки, открывает дверцу, сует бумаги и мешает кочергой.

Алексей (подойдя к Докукину и положив руку на плечо его). Слушай, Ларивон. Вижу, что ты человек правдивый. Верю тебе. Скажи, хочешь мне добра?

Докукин молчит.

Алексей. А коли хочешь, выкинь дурь из головы. О бунтовских письмах и думать не смей; не такое нынче время. Когда попадешься, да узнают, что ты был у меня, так и мне беда будет. Ступай же с Богом и больше не приходи. Не говори обо мне ни с кем. Коли спрашивать будут, – молчи. Да уезжай поскорей из Питербурха. Смотри же, брат, будешь помнить волю мою?

Докукин. Куда нам, государь, из воли твоей выступить?

Алексей. А о доносе не хлопочи. Слово замолвлю, где надо. Давай платок. (Вынимает из кошелья серебро и медь, завертывает платок и отдает Докукину). Вот тебе на дорогу. Как будешь в Москве, отслужи молебен в Архангельском, да часточку вынь за здоровье раба Божия Алексея.

Докукин. Яко же древле Сампсону утоли Бог жажду чрез ослиную челюсть, [2] такожде и ныне тот же Бог не учинит ли через мое скудоумие тебе, государь, нечто полезное и прохладительное... (Валится в ноги Алексею). Смилуйся, батюшка! Послушай нас, бедных, вопиющих, последних рабов твоих! Ей, государь, царевич, дитятко красное, церковное. солнышко наше, надежа Российская! Тобой хочет весь мир просветиться, о тебе люди Божьи расточенные радуются. Если не ты по Господе Боге, кто нам поможет? (Обнимает ноги его с рыданием). Пропали, пропали мы все без тебя, государь! Смилуйся!

Алексей. Полно, старик! Аль не вижу, не знаю? Не болит мое сердце за вас? Где вы, там и я. Коли даст Бог на царстве быть, – все сделаю. Тогда и тебя не забуду: мне верные слуги нужны. А покуда терпите да молитесь, чтоб скорее дал Бог совершение, буди же воля Его святая во всем. (Помогает встать Докукину, обнимает его и целует в лоб). Ну, прощай, Ларивон. Даст Бог, свидимся. Христос с тобой!

Входит царица Марья.

Марья. Здравствуй, Петрович.

Алексей. Здравствуй, Марьюшка.

Целуются. Докукин уходит.

Марья. Кто такой?

Алексей. Подьячий Докукин.

Марья. По какому делу?

Алексей. Ни по какому. Так, просьбишка.

Марья. Смотри, не плут ли? Много нынче плутов по миру шляется. Как бы не пронес чего.

Алексей. Нет, человек хороший.

Марья. Ну, как живешь, царевич?

Алексей. Сама знаешь: живем покамышь головы не отъела.

Марья. Чтой-то, Петрович, лицо у тебя какое? Не можется, что ль? Аль пьешь?

Алексей. Пью. Видит Бог, от страха пью, только чтобы себя не помнить. А то

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosoff.org и неволей поят. Третьего дня с собора пьянейшего замертво вынесли.

Марья. А ты пил бы лекарства, болезнь себе притворил, чтоб тебе на тех соборах не бывать.

Алексей. Ах, Марьюшка, Марьюшка, горькое мое житие! Если бы не помогала сила Божья, едва можно человеку в уме быть. Я бы рад хоть куды скрыться, уйти бы прочь от всего...

Марья. Небось, Петрович, скоро полегчит, недолго ждать. (Помолчав). От заточенных-то наших, из темницы Суздальской, [3] наемни посол приходил, юрод Михайло Босенький. Великие, говорит, знаменья, гласы, пророчества. Государыне-де, матушке твоей, являлась пресветлая и пречистая Царица Небесная, такое слово рекла: «Я-де тебя сохраню и сына твоего возвеличу». Скоро, скоро будет! Много вопиющих: «Господи, мсти и дай Совершение и делу конец!» (встает, подходит к окну и указывает на низенькие домики Питербурга городка). Попомни слово мое, царевич: Питербурх недолго за нами будет. (Грозя клюкою в окно). Быть ему пусто! К черту в болото провалится. Как вырос, так и сгниет, гриб поганый. И места его не найдут, окаянного. Быть пусто! Быть пусто!

Молчание.

Марья. А что, Петрович, сам-то болен, слышь?

Алексей. Болен.

Марья. Тяжко?

Алексей. Причастили.

Марья (крестясь). Дай-то Бог, дай Бог, совершение! (Шепотом). Не выживет?

Алексей. Как знать? Сколько раз отчаян был в смерть, а глядь, и отдышится.

Марья. Да. двужильный. Ну, да не ныне, так впредь живот свой скончает от безмерного пьянства и женонеистовства. Я чай, не умедлится. Погоди, Петрович, доведется и нам свою песенку спеть: наследство тебя не минует...

Алексей. Что наследство. Марьюшка! С плахи на престол, да с престола на плаху. Не то что ныне от батюшки, а и после него мне на себя ждать того же: постригши, заточат в монастырь, как матушку, замучают. Лучше бы я и на свет не родился!

Марья. Не малодушествуй, царевич, не гневи Бога, не ропщи. Положись весь на Христа, Алешенька: выше силы не попустит Он быть искушению.

Алексей. Выше силы! Выше силы!

Марья. Не говори слов хульных, дитятко. Смирись, потерпи...

Алексей. Довольно я тепел, не могу больше! Пусть бы только за себя, а за царство, за церковь, за весь народ христианский как терпеть? Что он делает, что он делает! Навуходносор, царь Вавилонский, рече: «Бог есмь аз», да не Богом, а зверем стал [4] Так вот и он. «Велик, говорят, велик государь». А в чем его величество? Тиранским обычаем царствует. Топором да кнудом просвещает. На кнуте далеко не уедешь. И топор – инструмент железный – невелика диковина: дать две гривны. Все-то заговоров, бунтов ищет. А того не видит, что сам первый бунтовщик и есть. Ломает, валит, рубит с плеча, а все без толку. Сколько людей казнено, сколько крови пролито! А воровство не убывает. Совесть в людях незавязанная. И кровь не вода. – вопиет о мщении. Скоро-де, скоро снидет гнев Божий на Россию, и как станет междуусобие, тут-то и увидят все: такая раскачка пойдет, такое глав посечение, что только: швык-швык-швык...

Марья (злорадно смеясь). Швык-швык-швык!

Алексей. И тогда-то из великих кровей тех выйдет Россия, омытая, паче снега убеленная, яко жена, солнцем одеянная! [5]

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Марья (торжественно). Буди! Буди! Аминь.

Стук в дверь.

Марья. Кто там?

Голос (из-за двери). Вахрамеевна.

Марья. Войди.

Входит верховая боярыня Сундулея[6] с двумя боярышнями и кланяется в ноги Алексею.

Сундулея. Здравствуй, государь царевич, батюшка.

Алексей. Здравствуй, боярыня. Что скажешь?

Сундулея. Царица матушка спсылать к тебе изволила, милости твоей видеть желает.

Алексей. К себе в хоромы зовет?

Сундулея. Нет, сама пожелует.

Алексей. Доложи, что рад видеть царицу.

Сундулея уходит.

Марья (боярышням). Спускайте-ка запаны, закрывайте ставни, боярышни.

Боярышни закрывают ставни на окнах и приносят свечи.

Алексей. А тетенька все еще свету дневного боится?

Марья. И-и, батюшка, пуще прежнего! Сама, почитай, слепенька, а чуть свет в щелку увидит, так и встрепещется: ножом ей свет режет глазыньки. Ну, да и то сказать: тридцать годов в темноте просидела; с той самой поры, как благоверный царь Федор Алексеевич преставился. – на свет Божий ни разу не глянула. (Вполголоса.) Совсем из ума выжила. А нынче все что-то тебя поминает, жалеет, «внучком» зовет...

Входит царица Марфа. Старые верховые боярыни, комнатные бабы и мамы ведут ее под руки. Садится под образами, в золоченые кресла, подобие «царского места» с двуглавым орлом и короною.

Марфа. Марья, а, Марья!

Марья. Чего изволишь, царица?

Марфа. Ставни-то заперты?

Марья. Заперты, матушка, заперты.

Марфа. Накрепко ль?

Марья. Накрепко, матушка, накрепко.

Марфа. А внучек где?

Алексей. Здесь, царица.

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org

Марфа. Подь-ка, подь сюда!

Алексей подходит и садится на низенькую скамейку у ног Марфы.

Марфа. Ступайте все.

Все уходят.

Марфа (ощупывая рукою лицо Алексея). Ишь, похудел, осунулся! Каши мало ешь? Надо кашки, кашки с маслицем! Аль барабанщик замаял?

Алексей. Какой барабанщик, тетенька?

Марфа. Будто не знаешь? Беглый пушкарь, немчина, аль жид поганый, самозванец, оборотень. Не к ночи будь помянут, чур нас, чур...

Молчание.

Марфа (глядя Алексея рукою по щеке и волосам). Сиротинка ты мой бедный! Ни отца, ни матери. И заступиться некому. Загрызут овечку волки лютые, заклюют голубчика вороны черные. Ох, жаль мне тебя, жаль, родненький!

Тихо плачет. Алексей целует ей руки. Молчание.

Марфа. Все мятется, все мятется, очень худо деется. Читал ты, внучек, в Писании? Дети, последняя година. Слышали вы, что грядет, и ныне в мире есть уже. Это о нем, о Сыне Погибели.[7] Уже пришел ко вратам. Скоро, скоро будет. Уж и не знаю, дождусь ли, увижу ль друга сердешного. солнышко мое красное, благоверного царя Феодора Алексеевича. Хоть бы одним глазком взглянуть, как приидет в силе и славе, с неверными брань сотворит, и победит, и воссядет на престоле величества, и поклонятся, и воскликнут ему все народы: Осанна! Благословен грядый во имя Господне![8]

Опускает голову и перебирает четки.

Марфа. Да нет, не дождусь. Прогневил я, грешная, Господа. Чует, ох, чует сердце беду! Тошно мне, внучек, тошнехонько. И сны-то нынче снятся все такие недобрые... (Оглядывается и приближает губы к самому уху его. Шепотом). Что мне наемни снилось-то... Во сне ли, в видении ли, не ведаю, – а только он сам приходил. Никто другой, как он!

Алексей. Кто. царица?

Марфа. Не разумеешь? Слушай же, как тот сон мне приснился, – может, тогда и поймешь. Лежу, будто, на постеле, не сплю, словно жду чего-то. Вдруг настезь дверь, и входит он. Сразу узнала. Рослый, да ражий, а кафтанишка куций, немецкий; во рту пипка, табачище тянет; рожа бритая, ус кошачий. Подошел, глядит, молчит. Молчу и я: что-то, думаю, будет? И тошно мне, скучно – смерть моя. Перекреститься хочу, – рука не подыметя, молитву прочесть – язык не шевелится. Лежу, как мертвая. А он за руку щупает. Огонь и мороз по спине. Глянула на образ, а и образ-то кажет разными видами: будто не Спасов лик пречистый, а немчин поганый, рожа пухлая, синяя, точно утопленник. А он все ко мне: «Больна-де, ты, говорит, Марфа Матвеевна, гораздо больна. Хочешь я тебе моего пришло дохтура? Да что ты на меня воззрилась? Аль не узнала?» – «Как, говорю, не узнать? Знаю. Мало ли мы таких видали!» – «Кто же-де я, говорит, скажи, коли знаешь?» – «Известно, говорю, кто. Немец, немцев сын, солдат-барабанщик». Осклабился во всю рожу, порскнул на меня, что кот шальной: «Рехнулась ты, видно, старуха! Не немец я, не барабанщик, а боговенчаный царь всея Руси, твоего же покойного мужа, царя Феодора, сводный брат». Тут уж злость меня взяла. Так бы ему в рожу и

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
плюнула, так бы и крикнула: «Пес ты, собачий сын, самозванец. Гришка Отрепьев, [9] анафема!» Да ну его, думаю, к шуту! Что мне с ним браниться! И плюнуть-то не стоит. Ведь это мне только сон, греза нечистая, попущением Божиим. Душу, – и сгинет. «А коли ты царь, говорю, как же тебя по имени звать?» – «Петр, говорит, имя мое». Как сказал: «Петр», так меня ровно что и осенило. «Э, думаю, так вот ты кто! Ну, погоди ж». Да не будь дура, языком не могу, так хоть в уме творю заклятие: «Враг, сатана, отгонись от меня в места пустые, в леса густые, в пропасти земные, в моря бездонные, на горы бездомные, иде же не присещает свет лица Господня. Рожа окаянная, изыди от меня в тартар, ад кромешный, пекло преисподнее. Аминь! Аминь! Аминь! рассыпья! дую на тебя и плюю». Как прочла заклятье, так он и сгинул, точно сквозь землю провалился, – только табачищем смердит. Проснулась я, окликнула; прибежала Вахрамеевна, окропила святой водою, окурила ладаном. Встала я, пошла в соленную, пала перед образом Владычицы Пречистой Влахернской Божией матери, да как вспомнила, да вздумала все, тут только и уразумела, кто это был.

Алексей. Кто же, тетенька?

Марфа. Не понимаешь? Аль забыл, что у Ефрема-то в книге о втором пришествии писано: «Во имя Симона Петра имеет быть гордый князь мира сего – Антихрист». [10] Слышишь? имя его – Петр. Он самый и есть: Антихрист! Петр – Антихрист!

Занавес.

Второе действие

Первая картина

В Зимнем дворце, рабочая комната Петра, тесная, похожая на каюту, загроможденная токарными станками, математическими, артиллерийскими и фортификационными приборами. В углу – образ Нерукотворного Спаса с горящей лампадой. Петр сидит в кресле за столом. Лицо больное. Старый, заношенный и заплатанный шлафрок, шерстяная красная фуфайка с белыми костяными пуговицами; исподнее платье грубого синего стамеда; чулки, старые кожаные стоптанные туфли. Алексей стоит перед ним, как солдат навтыжку, руки по швам.

Петр. Когда война со Шведом началась, [11] о, коль великое гонение, ради нашего неискusstва, претерпели! С какою горечью сию школу прошли, доколе сподобились видеть, что оный неприятель, от коего трепетали, едва не вяще от нас ныне трепещет! Что все моими бедными и прочих истинных сынов Российских трудами достигнуто. И доселе вкушаем хлеб в поте лица своего, по приказу Божию, к прадеду нашему, Адаму. Сколько могли потрудились, яко Ной, над ковчегом России, имея всегда одно в помышлении: на весь свет славна бы Русь была. Когда же сию радость, Богом данную отечеству нашему, рассмотрев, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть снесает меня, видя тебя весьма на правление дел государственных неистребна... Чего в сторону глядишь? Не слушаешь?

Алексея. Слушаю, батюшка.

Петр. То-то. В последний раз говорю: Бог не есть виновен в твоём неистребстве, ибо разума тебя не лишил. Но охоты ни к чему не имеешь. Паче же всего о воинском деле и слышать не хочешь, чем от тьмы к свету произошли. Не имея же охоты, ни в чем не обучаешься и не знаешь дел воинских. А не зная, как повелевать оным можешь и как добромu доброе воздать и нерадивого наказать, не разумея силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть. Слабостью ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон. Понеже не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может...

Алексей. Батюшка...

Петр. Молчи, когда говорят, слушай! Знаю, что как об стену горох, а все говорю, понеже дам за тебя ответ Богу. Есмь человек и смерти подлежу, то кому сие начатое с помощью высшего насаждение и уже некоторое возвращенное

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosoff.org оставлю? Тому, кто уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю, [12] сиречь, все, что Бог дал, бросил. Еще же и сие вспомяну, какого ты злого нрава и упрямого исполнен. Ибо сколь много за сие тебя бранивал и не только бранил, но и бивал, к тому же сколько лет, почитай; не говорю с тобою, но ничто сие успело, ничто пользует; все даром, все на сторону, ничего делать не хочешь, только бы дома в прохладе жить и всегда веселиться, хоть все противно идет. Ибо с единой стороны имеешь царскую кровь высокого рода, с другой же – мерзкие рассуждения, как бы наинизший из низких холопов, всегда обращаясь с людьми неистребными, от коих ничему научиться не мог, опричь злых и пакостных дел. И чем воздаешь за рождение отцу своему? Помогает ли в несносных печалях и трудах моих; достигши столь совершенного возраста? Ей, николи! Что всем известно есть. Но паче ненавидишь дел моих, которые я для людей народа моего, не жалея здоровья, делаю, и, конечно, по мне разорителем оных будешь. Что все размышляя с горестью и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, на благо изобрел сей последний тестамент тебе объяснить и еще мало пождать, аще неллицемерно обратишься. Если же нет, то известен будь... (Закашлялся. Лицо побагровело, глаза вытаращились, жилы на лбу вздулись. От яростных, тщетных усилий отхаркнуть, еще больше давится. Вытирает платком пот и слезы с лица). Ох, чертова мать, чертова мать! Ох-ох-ох! (Роняет платок, неловким усилием, кряхтя, наклоняется через ручку кресла, чтобы поднять. Алексей поднимает платок и подает). Паки подтверждаю, дабы ты известен был...

Алексей. Батюшка! Видит Бог, ничего лукавого, по совести, не учинил я перед тобою. А лишения наследства я и сам для слабости моей желаю; понеже что на себя брать, чего не снести. Сам вижу: негоден, непотребен, немощен. А если бы мог, неужто я?.. Ну, скажи, только скажи... и я все, все для тебя, батюшка!

Падает на колени, хочет поцеловать руку Петра; тот отдергивает ее.

Петр. Ишь, нюни распустил, дитяткой прикинулся! Младенчество сие изволь оставить. Не чини оговорки ничем. Покажи нам веру от дел своих, а словам верить нечего. Ныне туеядцы не в вышней степени суть. Кто хлеб ест, а прибытку не делает Богу, царю и отечеству, подобен есть червию, которое токмо в тлю все претворяет; а пользы людям не чинит; ни малой, кроме пакости. И Апостол глаголет: праздный да не яст и проклят есть туеядец. Ты же явился, яко бездельник... (Опять закашлялся. Кричит). Эй, Иваныч, анисовой!

Голос Румянцева (из-за двери). Сию минуту, ваше высочество!

Входит денщик Румянцев с рюмкой водки и кренделем на блюде. Алексей встает. Петр пьет и закусывает. Румянцев уходит.

Петр. Ну, что ж молчишь? Отвечай.

Алексей. Милостивейший государь батюшка! Иного донести не имею, токмо, буде изволишь за мою непотребность меня короны Российской наследия лишить, то буди по воле вашей. О чем я вас, государь, всенижайше прошу, видя себя к делу сему неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишен, без коей ничто не можно делать, и всеми силами умными и телесными от различных болезней ослаблен и негоден стал к толикого народа правлению, где надобно человека не столь гнилого, как я. Того ради, наследия Российского по вас не претендую, в чем Бога свидетеля полагаю на душу мою и написать сию клятву готов рукою своею.

Петр. Лжешь! Отречение – токмо протяжка времени, а не истина, ибо когда ныне не боишься и не зело смотришь на отцов прощение; то как по мне станешь завет хранить? Что же приносишь клятву; тому верить нельзя, жестокосердия ради твоего. К тому ж и слово Давидово: всяк человек – ложь. [13] Также, хотя б и подлинно хотел хранить, то возмогут тебя склонить и принудить длинные бороды, попы да старцы, как ради туеядства своего не в авантаже ныне обретаются, – к ним же ты склонен зело. Того для, так остаться, как желаешь, ни рыбой, ни мясом, не можно. Но или отмени свой нрав и неллицемерно удостой себя наследником, ибо дух наш без сего спокоен быть не может, а особливо ныне, что мало здоров стал, – или будь монахом.

Молчание. Алексей стоит, не двигаясь, опустив глаза. Дверь чуть-чуть приотворяется, в щелку заглядывает Екатерина.

Петр (ударяя кулаком по столу). Опять замолчал, уперся? Шалишь, брат, не отвертись! Эй, берегись. Алешка! Думаешь, не знаю тебя? Знаю, вижу насквозь! На кровь мою восстал, щенок, отцу смерти желаешь. У-у, тихоня, святоша, змея подколотная!

Молчание.

Петр. Слушай, последнее напоминание еще. Подумай обо всем гораздо и, взяв резолюцию, дай ответ. А ежели не дашь, – пощады не будет. Ибо, когда гангрена сделалась в пальце моем, не должен ли я отсечь оный, хотя и часть тела моего? Так и тебя, яко уд гангренный, отсеку. И не мни, что сие только устрастку тебе говорю: воистину. Богу извольшу, исполню. Ибо, когда за народ мой и за отечество живота своего не жалел и не жалею, то как могу тебя жалеть, непотребного? О чем паки подтверждаем, дабы учинено было конечно одно из сих двух: либо нрав отменить, либо постричься. А буде не учинишь...

Подымается во весь рост. Екатерина открывает дверь, входит в комнату и подкрадывается к Петру сзади тихонько, на цыпочках.

Петр. Буде не учинишь, как со злодеем поступлю!

Алексей. Желая монашеского чина и прошу о сем милостивого соизволения...

Петр. Лжешь! Опять лжешь! Думаешь, умру, – скинешь клубук, будешь царем и над волей отца надругаешься. Все разоришь, расточишь, не оставишь камня на камне, погубишь Россию!

Алексей (с усмешкою). Так как же, батюшка? Сам повелеть изволил, либо в монахи, либо нрав отменить. Вот я в монахи и выбрал. А дабы нрав отменить, как ты желаешь, надобно паки войти в утробу матерню и паки родиться...

Петр (подымая кулаки). А-а, так ты еще зубы скалишь, волчонок! Ну, погоди ж, сукин сын, я тебя...

Екатерина (положив руку на плечо Петра). Петенька, батюшка!

Петр оборачивается, опускает руки и падает в кресло.

Екатерина. Не замай себя. Петенька, а то паче меры утрудишься, да и сляжешь опять. А ты, царевич, ступай-ка, ступай с Богом. Видишь, государю нездоровится.

Алексей, глядя на отца в упор, сгорбившись, съежившись, медленно пятится к двери и только на самом пороге вдруг оборачивается, открывает дверь и выходит. Екатерина, присев сбоку на ручку кресла, одной рукой обнимает голову Петра, другою – гладит волосы его.

Екатерина. Не замай себя. Петенька, батюшка, светик мой, дружочек сердешненькой...

Петр. Ох, matka, ох, тяжко! Бремя несносное! Сердце Авессаломле, сердце Авессаломле, всех дел отца ненавидящее и самому отцу смерти желающее! [14]

Екатерина. Полно. Петенька, полно, миленький! Не круши, светик, сердца своего... Постой-ка, что я тебе сказать-то хотела?.. Да, Нептунушку [15] в Адмиралтействе давеча видела. Ах, хорош корабль! Почитай, лучший во флоте.

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
А большой шлюпс-бот, что делал бас Фон-Рен, как бы не рассохся, – надобно покрыть досками...

Петр. Ох, матка, прахом, все прахом пойдет!

Екатерина. А у Шишечки[16] зубок прорезался. Изволит ныне даже пальчиками щупать, – знатно, что и коренные хотят выходить. Да все бы ему играть в солдатики. «Папа, мама, говорит, солдат!» Храбрый будет генерал!

Петр (стонет). Ох-ох-ох!

Екатерина. Что, Петенька? Что, светик? Поясница аль животик? Пойдем-ка, пойдем. Маслицем натру, припарочку сделаю...

Петр встает, кряхтя, и, опираясь на руку Екатерины, идет к двери. Уходят. Другая дверь приотворяется. князь Василий Долгорукий высовывает голову и осторожно оглядывается, прислушивается. Входит.

Долгорукий (в дверь, маня пальцем). Небось, небось, Петрович. – ушел, никого.

Входит Алексей.

Алексей. Чего тебе?

Долгорукий. Меншиков будет сейчас. Поговори. Он ныне тебе доброхотствует, заступу обещал у батюшки... да что ты какой? Аль прибил?

Алексей. Нет, не прибил.

Долгорукий. Изругал?

Алексей. Как всегда. Пилил.

Долгорукий. Так что же ты?

Алексей. Да ничего. (Усмехается). Дивлюсь я, право, дивлюсь. Он да не он, – барабанщик какой-то, немец, аль жид поганый, черт его знает! Вся рожа накосо. Оборотень, что ли?

Долгорукий. Что ты, царевич, Господь с тобой!

Алексей. А знаешь, князенька, солдатик в гошпитале сказывал: ядром ему ногу прошибло; – гангрена сделалась, и не услышал, без памяти, как отрезали, а очнулся, – хватъ, – нет ноги, кажет, будто есть, а смотрит, – нет. Так вот и я с батюшкой. Был отец, – и нет. Умер, умер, умер!

Занавес.

Вторая картина

В доме Алексея. О. Яков и Алексей сидят за столом. На столе закуска и водка. Осенний день.

Алексей. Да пей же; отче, пей!

О. Яков. Буде. И так голова трещит со вчерашнего.

Алексей. Ничего, поп, не треснет: ты пить здоров, куликнем, батя, поджаримся, завьем горе веревочкой!

На поповском лугу, их, вох!

Потерял я дуду, их, вох!

О. Яков. А что, Петрович, плохо тебе гораздо у батюшки?

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Алексей. Плохо.

О. Яков. Все знает?

Алексей. Все. Я, чай; для того и болезнь себе притворил. Исповедался; причастился нарочно, являя людям; что гораздо болен: живу быть не чаяли. Пытал, каков буду, когда его не станет. Знаешь басню: собралися мыши кота хоронить; скачут, пляшут, а он как прыгнет, да цапнет, – и пляска стала. Так вот и батюшка. Шепнули ему, что изволил-де я веселиться о смерти его, лицом был светел и радостен, точно именинник. Никогда того не простит. В Дацкую землю уехал, а я тут, с часу на час, присылки жду. На расправу потащат. Да уж скорей бы, – один конец. Или он меня, или я его... Пей же, батя, пей! Хочешь, Афроська спляшет?

Тары-бары, растабары,
Белы снеги выпадали.
Серы зайцы выбегали.
Ой, жги! Ой, жги!

О. Яков (прислушиваясь). Едут, слышь? Не сяды ли?

Алексей. Кого черт несет? (Подходит к окну, выглядывает). Кто? Кто это? Кто это? (Хватает за голову). А-а-а! (Отходит и падает в кресло).

О. Яков. Кто, кто такой?

Алексей. Он! Он! Он! Пропала моя голова! Не выдавай, Игнатъич, голубчик! Куда же; куда же, господи? Спрячь, батя; спрячь! Пойдем! (Тащит О. Якова за руку).

Входит Афанасьич.

Афанасьич. Курьер от батюшки.

Алексей. Не пускай! Не пускай!

О. Яков. Скажи, дома нет, уехал.

Афанасьич. Говорил, не слушает.

О. Яков. Ну, так болен; без памяти.

Афанасьич уходит.

Алексей. Двери-то, двери, батя, запри! (Кричит в спальню). Эй, Васька, Васька! Одеяло, шлафор, колпак, полотенце! Скорее! Скорее! Скорее!

Казачок Васька приносит вещи и уходит. Алексей надевает шлафрок и ночной колпак. О. Яков закутывает ему ноги одеялом и обвязывает голову полотенцем.

О. Яков. И притворять-то нечего: вишь, лихорадка так и бьет.

Алексей (шепчет, крестясь). Чур меня, чур! На велик день родился, тыном железным оградился. Солнце ясное, море тихое, поля желтые, – все вы стоите смирно и тихо: так был бы тих и смирен мой родимый батюшка...

Стук в дверь.

Голос Румянцева (из-за двери). Отворите!

Алексей. Ой! Ой! Ой! Не пускай, не пускай! Схватит, потащит, убьет...

Голос Румянцева. Именем его величества государя Петра Алексеевича, отворите!

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org

О. Яков. Вон как трясет. Все одно, ломает: отпереть надо.

Отпирает. Входит Румянцев.

Румянцев. Здравия желаю, ваше высочество.

Алексей. Не замай, не замай! Не подходи! Не трожь!

Румянцев. Что ты, царевич? Чего пужаешься? Ручку пожалуй. А не хочешь, так и не надо. Христос с тобой... Письмецо от государя-батюшки (Подает письмо). Прочешь изволь,

Алексей. Прочту ужо. Ступай.

Румянцев. Без ответа уходить не ведено.

Алексей. Болен я, Иваныч, дюже болен. Вишь, и батьку позвал причастить. Аль больного потащишь? Ну, а как из меня на дороге и дух вон, – ты же в ответе будешь...

Румянцев. Зачем больного тащить? Нет на то повеленья от батюшки. Как будешь здоров, так и поедешь. А то и вовсе не езд, – воля твоя.

Алексей. Правда, Иваныч? Не лжешь?

Румянцев. Зачем лгать? Пес лжет.

Алексей. А ты побожись.

Румянцев. Вот-те крест!

Алексей. Ну, ладно, ступай. Ответ будет к завтраму.

Румянцев. Никак нет, до завтраго ждать не можно. Сим же часом и обратно. Знаешь дело наше курьерское: одна нога здесь, другая там.

Алексей. Да уж больно, Иваныч. неможется. Видишь, как скрючило. Хоть часок подожди.

Румянцев. Разве часок... Честь имею кланяться, ваше высочество.

Уходит.

Алексей (хочет распечатать письмо и не может, руки трясутся. Отдает О. Якову). Ну. распечатай.

О. Яков (распечатав письмо, отдает Алексею). Читай.

Алексей (читает). «Мой сын. Понеже когда прощался и спрашивал о резолюции... на что ты говорил... к наследству быть не можешь... в монастырь желаешь... Ждал семь месяцев... Но по ся поры не пишешь... Немедленно резолюцию возьми»... Ох, батя, не могу, не вижу... Читай ты.

О. Яков (читает). «Резолюцию возьми; или первое, или другое. И буде первое, то поезжай сюды, в Копенгаген, ни мало не мешкая. Буде же другое, то отпиши, куды и в которое время, и день, дабы я покой имел в своей совести, чего от тебя ждать могу. О чем паки подтверждаем, дабы сие конечно учинено было, ибо я вижу, что время токмо проводишь в обыкновенном своем неплотии. Петр».

Молчание.

О. Яков. Ну, что скажешь, Петрович?

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Алексей. А ты что?

О. Яков. Ступай в монахи: клубук-де не гвоздем к голове прибит, – можно и снять. Покой тебе будет, как от всего отстанешь.

Алексей. Эх, батя, хорош монах! С блудной девкой сваялся. Богу солгать, душу погубить.

О. Яков. Ну, так к отцу поезжай.

Алексей. Под топор на плаху?

О. Яков. Так как же, царевич? Либо то, либо это.

Алексей. Все едино. Два конца веревки, а петля одна: за какой ни потянешь – удавишься.

Входят Кикин и князь Долгорукий.

Алексей. Кикин! Князенька! Сейчас за вами посылать хотел. Курьер от батюшки.

Кикин. Знаем. Для того и пришли.

Долгорукий. А ты, что, ваше высочество, обвязан? расхворался, что ль?

Алексей. Нет, здоров. Страху ради батюшкина болезнь себе притворил. (Подает письмо). Вот, читайте.

Долгорукий и Кикин читают. Алексей скидывает одеяло, шлафрок, колпак и полотенце. О. Яков идет к двери.

Алексей. Куда ты, Игнатъич?

О. Яков. В крестовую, всюнощну служить.

Алексей. Помолись за меня. Тяжко мне, родимый, тяжко.

О. Яков. Небось, светик. Бог тебя избавит, чаю. скоро-де свершится, скоро! (Обнимает и крестит).

Долгорукий (отдавая письмо). Ну, что, царевич, какую возьмешь резолюцию?

Алексей. Не знаю. А вы что скажете?

Кикин. А вот что: взявши шлык, да в подворотню шмыг, поминай, как звали, по пусту месту хоть обухом бей!

Долгорукий. Кабы случай, я бы в штетин первый изменил, лытка бы задал!

Молчание.

Кикин. Так как же, Петрович?

Алексей. Не знаю. Куда мне от отца уйти?

Кикин. Воля твоя, государь, а только попомни: отец не пострижет тебя ныне, хотя б ты и хотел. Ему друзья твои, сенаторы, приговорили, чтобы тебя при себе держать неотлучно и с собою возить всюду, чтоб ты от волокиты помер, понеже-де труда не понесешь. И батюшка на то сказал: «ладно-де, так!» Да рассуждал ему князь Меншиков, что в монашестве тебе покой будет, можешь и долго прожить. И по сему слову дивлюсь я, что тебя давно не взяли.

Долгорукий. А, может, и то учинят: как будешь в Дацкой земле, и отец тебя посадит на воинский корабль, под претекстом обучения, велит вступить в бой

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org с шведским кораблем, который будет поблизости, чтоб тебя убить, о чем из Копенгагена есть ведомость. Того для, тебя и зовут, и, окромя побегу, тебе спастись нечем. А самому лезть в петлю сие было бы глупее всякого скота.

Кикин. И еще помни: буде убежишь, а батюшка пришлет уговаривать, чтоб вернулся, и простить обещает, – не езд: он тебе по суду голову отсечет, а то и без суда, своими руками убьет... Ну, что ж молчишь? Решать изволь...

Алексей. Мне все равно. Решайте вы.

Кикин. Как за тебя решить? (Вглядываясь). Да что ты какой сонный, ваше высочество? будто не в себе? Аль и вправду неможется?

Алексей. Устал я очень...

Долгорукий. А ты реши, – и сразу полегчит. Воля будет. Аль воле не рад?

Алексей. Воля! Воля! (Помолчав). Нашли вы мне место какое?

Кикин. Нашли: поезжай в Вену к цесарю; там не выдадут. Цесарь-де сказывал, что примет тебя, как сына.

Кикин ставит перед Алексеем на стол чернильницу, кладет перо и бумагу.

Кикин. Ну-ка, пиши.

Алексей. Что?

Кикин. Ответ батюшке.

Алексей. Как же так сразу?

Кикин. А так и пиши (диктует, Алексей пишет). «Всемиловивейший государь батюшка. Получив ваше письмо милостивое и повинуюсь воле родительской, взял я ныне резолюцию: ехать к вам в Копенгаген»...

Алексей (положив перо). Погоди, Васильич, подумаю.

Кикин. Чего думать? Пиши, говорят!

Алексей. А, может, лучше в монахи, а?

Кикин. Ну, пиши: в монахи.

Алексей. Да ведь говоришь: не пострижет?

Кикин. Тьфу! Ни в кузов, ни из кузова!

Долгорукий. Экий ты какой нерешимый, ваше высочество!

Кикин (вставая). Пойдем, князь. С ним не сговоришь.

Алексей. Стой, погоди.

Кикин (вытирая платком лоб). Э, черт, ажио пот прошиб!

Алексей. Ну, ладно, сказывай.

Кикин (диктует). «Взял я ныне резолюцию: ехать к вам в Копенгаген, ни мало не мешкая, дабы исправить себя к наследству, и, яко сын покорный, стараться подражать деяниям вашего величества. Боже сохрани вас на многие годы, дабы я еще долго радоваться мог столь знаменитым родителем. Сынишка твой»... Нет, лучше по-немецки: «Meines gnädiges Vaters gehorsamste Diener und Sohn, Alexis».[17]

Кикин запечатывает письмо.

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Алексей. Погоди, я сам..

Кикин. Нет, уж полно, опять передумаешь. А вот и курьер.

Входит Румянцев.

Долгорукий. За письмом, господин капитан?

Румянцев. Так точно, ваше сиятельство.

Кикин. Готово. (Подает письмо). Поезжай с Богом. Скажи государю, что царевич за тобою будет.

Румянцев. Слушаю-с. Едешь, царевич?

Алексей. Еду. Только ты, Иваныч..

Румянцев. Чего изволишь, ваше высочество?

Алексей. Ничего. Ступай.

Румянцев. Будь здрав, государь. Хоть на прощанье-то ручку пожалуй!

Целует руку Алексея, кланяется и уходит.

Кикин. Пора и нам, царевич. Господам-Сенату доложим, что едешь к бабушке. Денег займем да пассы фальшивые выправим: будешь польский кавалер Коханский. Собирайся-ка в путь. Заутра и выедешь.

Долгорукий. Каретку пришлем на рессорах аглицких, – как в люльке поедешь.

Кикин. Держи путь на Яригу, Гданск, а оттуда свернем на Бреславль; да прямо в Вену к цесарю. (Наливает рюмки и чокается). Ну, государь, за твое здоровье, за путь счастливый, за волю вольную!

Долгорукий. За царя Алексея, надежу Российскую!

Пьют, целуют руку Алексея и уходят.

Алексей (один, напевает).

Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные.
Хотят тебя зарезати..
(Зовет). Афанасьич! Афанасьич!

Входит Афанасьич.

Афанасьич. Чего изволишь, царевич?

Алексей. Сбери-ка, что надобно, в путь против прежнего, как в немецких краях со мною было.

Афанасьич. Слушаю-с, государь. К бабушке ехать изволишь?

Алексей. Бог знает, к нему или в сторону..

Афанасьич. Ваше высочество, куды в сторону?

Алексей. Хочу посмотреть чужих краев, как люди вольно живут... (Помолчав). Любишь ты меня, Иван?

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Афанасьич. Сам знаешь: рад хотя б и живот за тебя положить!

Алексей. Ну, так смотри, никому не сказывай: в Вену еду, к цесарю.. Что ж ты молчишь?

Афанасьич. Что мне говорить, царевич? Воля твоя, А чтобы от батюшки бежать, я не советчик.

Алексей. Чего для?

Афанасьич. А того: коли удастся, ладно, а коли нет, – пропадешь.

Алексей. Ну, что ж, один конец!

Молчание.

Алексей. Ступай. Скорей укладывай, чтоб все готово было к завтраму. Завтра и еду.

Афанасьич уходит.

Алексей (один, подойдя к окну, открывает его). журавли! журавли!
(Протягивая руки к небу). Батюшки, голубчики, родимые! Да неужто и вправду?.. Воля! Воля! Воля!

Занавес.

Третье действие

Первая картина

В Неаполе, в крепости Сант-Эльмо – большая комната, похожая на арестантскую камеру. В окнах и в двери, открытой на галерею – море и небо, земли не видно. Час вечерний. Алексей и Ефросинья сидят за столом. Он читает письма. Она белится, румянится, примеривает мушки перед зеркалом.

Ефросинья (напевает):

Сырая земля.
Мать родимая.
Ты прикрой меня,
Белая березушка.
Молодая жена.
Пошуми по мне...
Куда бы лучше, Петрович? На щеку, аль у брови?

Алексей. Для кого рядишься? Для Вейнгардта, что ль?

Ефросинья. А хотя б и для него? Какой ни на есть кавалер.

Алексей. Хорош кавалер – туша свиная! Тьфу, прости Господи, нашла с кем любезничать! Ну. да вам все едино, – только бы новенький. Ох, Евины дочки. Евины дочки! Баба да бес, один в них вес.

Ефросинья (напевает):

Сырая земля.
Мать родимая.
Ты прикрой меня...
Алексей. Ну, Федоровна, сниточков белозерских скоро кушать будем! Вести добрые. Авось, даст БОГ возвратиться е радостью. Вот слушай-ка: из Питербурха донесение цесарского резидента Плейера.

Ефросинья. Ох, Петрович, опять зачитаешь, засну, – сердиться будешь.

Алексей. Не заснешь, небось, слушай. (Читает). «Alles hier zum Aufstand

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org sehr geneiget ist».[18] Все-де в Питербурхе к бунту зело склонны. Да в Мекленбургии гвардейские полки учинили заговор, дабы царя убить, царицу привезти сюда и с младшим цесаревичем и обеими царевнами заточить в тот самый монастырь, где ныне старая царица-мать, а ее освободив, сыну ее, законному наследнику, правление вручить...

Ефросинья. А что, царевич, ежели убьют царя да за тобой пришлют, – к бунтовщикам пристанешь?

Алексей. Не знаю. Когда присылка будет по смерти батюшки, то, может, и пристану... Ну, да что вперед заглядывать? Буди воля Господня! А только вот говорю, маменька, видишь, что Бог делает; батюшка делает свое, а Бог – свое! (Встает и ходит по комнате; иногда, подойдя к столу, наливает вина в стакан и пьет). А что ныне там тихо, – и та тишина недаром. Всех чинов люди говорят обо мне, спрашивают и желают всегда, пьют за мое здоровье, называя «надежей Российской». А кругом-де Москвы уже заворачиваются. И на низу, на Волге, не без замешанья будет в народе. Чему дивить? Как и по сю пору терпят? А не пройдет даром. Я чай, не стерпя, что-нибудь да сделают. А тут и в Мекленбургии бунт, и шведы, и цесарь, и я. Со всех сторон беда! Все мятется, мятется, шатается. Как затрещит, да ухнет, – только пыль столбом. Такое смятение пойдет, что ай, ай! Не сдобровать и батюшке...

Ефросинья. А кто из сенаторей за тебя станет?

Алексей. А тебе на что?

Молчание.

Алексей. Хоть и не все мне враги, а все злодействуют в угоду батюшке. Да мне никого не нужно. Плюну я на всех, – здорова бы мне чернь была! А как буду царем, – старых всех повыведу, новых себе изберу. Облегчу народ, – боярскую толщу убавлю, будет им жиру нагуливать, – о крестьянстве порадею, о слабых и сирых, о меньшей братье Христовой. И церковный и земский собор учиню, от всего народа выборных: пусть все доводит правду до царя, без страха, самым вольным голосом, дабы царство и церковь исправить многосоветием общим и Духа Святого нашествием на веки вечные...

Ефросинья. Разморило меня что-то. С обеда, чай, не выпалась. Пойду-ка-сь, Петрович, лягу, что ль?

Алексей. Ступай, маменька, спи с Богом. Может, и я приду ужо. – только вот голубков покормлю...

Ефросинья уходит.

Алексей (подойдя к двери на галерею и кидая кротки). Гуль-гуль-гуль! (Слетаются голуби). Ишь, птички Божьи, крылушки белые... А море-то синее, синее... Ах, хорошо! Гуль-гуль-гуль!

Ефросинья входит, полуодетая, с босыми ногами, влезает на стул и заправляет лампадку перед образом.

Ефросинья. Грех-то какой! Завтра праздник, а я и забыла. Так бы и осталась без лампадки Матушка. Часы-то, Петрович, будешь читать?

Алексей. Нет, маменька, разве к ночи. Устал я что-то, голова болит.

Ефросинья. Вина бы меньше пил, батюшка.

Алексей. Не от вина, чай, – от мыслей: вести-то больно радостные.

Ефросинья, заправив лампадку, слезает со стула, подходит к столу и выбирает на блюде с плодами спелое яблоко.

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org

Алексей (обнимая Ефросинью). Афросьюшка, друг мой сердешненький, аль не рада? Ведь будешь царицей, а как родишь мальчика...

Ефросинья. Почем знаешь? Может, и деву.

Алексей. Нет. мальчика. Будет наследником. Назовем Ванечкой: «благочестивейший, самодержавнейший царь всея Руси. Иоанн Алексеевич». А ты – царицею...

Ефросинья. Шутить изволишь, батюшка. Где мне, холопке, царицею быть?

Алексей. А женюсь, так будешь. Ведь и батюшка таковым же образом учинил. Мачеха-то, Катерина Алексеевна, тоже не знамо какого роду была, – сорочки мыла с чухонками, в одной рубахе в полон взята, а ведь вот же, царствует. Будешь и ты, Ефросинья Федоровна, царицей, небось, не хуже других... Добро за добро; чернь царем меня сделает, а я тебя, холопку, царицею. (Обнимает ее все крепче и крепче). Аль не хочешь?

Ефросинья (оглядываясь через плечо на лампадку и закусывая яблоко). Пусти!

Алексей. Афросьюшка, маменька!

Ефросинья. Да ну тебя! Пусти, говорят! Перед праздником. Вон и лампадка. Грех...

Алексей (опускаясь на колени и целуя ноги ее). Венус! Венус! Царица моя!

Ефросинья вырывается и убегает. Алексей подходит к столу, наливает стакан, пьет, садится в кресло, откидывает голову на спинку и закрывает глаза.

Алексей. Да, грех. От жены начало греху, и тою мы все умираем... Венус! Венус! Как у батюшки, в Летнем саду, – истуканша белая... Белая Дьяволица... А море-то синее, синее... Сирина, птица райская, поет песни царские...

Засыпает. Тишина. Только море шумит. Темнеет. Далекий гул голосов и шагов. Все ближе. Цесарский наместник граф Даун, секретарь Вейнгардт, сенатор Толстой[19] и капитан Румянцев, стоя в дверях заглядывают в комнату.

Толстой (шепотом). Спит?

Даун. Кажется, спит.

Вейнгардт. Разбудить?

Толстой. Дозвольте мне.

Даун. Как бы не испугать?

Толстой входит на цыпочках, держа в руках канделябр со свечами. Свет падает на лицо Алексея. Он открывает глаза и смотрит на Толстого, не двигаясь.

Толстой. Ваше высочество...

Алексей (вскочив и выставив руки вперед). Он! Он! Он! (Падает навзничь в кресло).

Вейнгардт (подбегая к Алексею). Воды! Воды!

Толстой наливает воды в стакан и подает Вейнгардту, тот – Алексею.

Даун (шепотом Толстому). Отойдите. Разве можно так? Надо приготовить.

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Толстой отходит.

Даун (подойдя к Алексею). Успокойтесь, ваше высочество, ради Бога, успокойтесь! Ничего дурного не случилось. Вести самые добрые.

Алексей (дрожа и глядя на дверь). Сколько их?

Даун. Двое, всего двое.

Алексей. А третий? Я видел третьего...

Даун. Вам, должно быть, почудилось.

Алексей. Нет. я видел его. Где же он?

Даун. Кто он?

Алексей. Отец.

Вейнгардт. Это от погоды. Маленький прилив крови к голове от сирокко. Вот и у меня в глазах нынче с утра все какие-то красные зайчики. Пустить кровь, – и как рукой снимет.

Алексей. Клянусь Богом, граф, я видел его, граф, вот как вас теперь вижу...

Даун. Боже мой, если бы я только знал, что ваше высочество не совсем хорошо себя чувствовать изволите, – ни за что бы не допустил бы... Угодно отложить свидание?

Алексей. Нет, все равно. Пусть подойдет... только один... (Указывая на Толстого). Вот этот. (Хватая Дауна за руку). Ради Бога, граф, не пускайте того! Он – убийца...

Даун. Будьте покойны, ваше высочество: жизнью и честью моей отвечаю, что эти люди никакого зла вам не сделают.

По знаку Дауна Толстой подходит к Алексею.

Толстой. Всемиловейший государь царевич, ваше высочество! Письмо от бабушки.

Кланяясь так низко, что левою рукою почти касается пола, правую – подает письмо. Алексей распечатывает, читает; иногда вздрагивает и взглядывает на дверь.

Даун (на ухо Вейнгардту). Караул усилие. Кто их знает, варваров: как бы и вправду не наложили рук на царевича...

Вейнгардт уходит. Толстой придвигает стул к Алексею, садится на кончике, наклоняется и заглядывает в глаза его ласково.

Толстой. Напужали мы тебя, ваше высочество?

Алексей. Нет, ничего. Спросенок померещилось...

Толстой. Говорить дозволишь?

Алексей. Говори.

Толстой. Чт? в письме писано, т? и на словах велел: «Обнадеживаю, говорит, и обещаю Богом и судом Его, что, буде послушает и возвратится, никакого наказания не будет, но прошу и в лучшую любовь приму. Буде же сего не учинит, то, яко отец, данною нам от Бога властью, проклинаем вечно, а яко

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
государь, объявим во все государство за изменника, и не оставим всех
способов, яко ругателю отцову, учинить, в чем Бог нам поможет». А цесарю
велел сказать, дабы выдал тебя, понеже отца с сыном никто судить не может,
кроме Бога. Буде же, паче чаяния, цесарь в том весьма откажет, то «мы-де,
говорит, сие примем за явный разрыв и будем пред всем светом на цесаря
чинить жалобы, да искать неслыханную и несносную нам и чести нашей обиду
отметить даже рукою вооруженною».

Алексей. Пустое! Николи из-за меня батюшка с цесарем войны не начнет.

Толстой. Я чай, войны не будет, да цесарь и так тебя выдаст. Обещание свое
он уже исполнил: протестовал, доколе отец не изволил простить, а ныне, как
протестил, то уже повинности цесаревой нет, чтобы против всех прав удерживать
тебя и войну с царем чинить. Не веришь мне, так спроси наместника: он
получил от цесаря письмо саморучное, дабы всеми мерами склонить тебя ехать
к батюшке, а по последней мере, куды ни есть, только б из его области
выехал.

Молчание.

Толстой (тихонько дотрагиваясь до руки Алексея). Государь царевич, послушай
увещания родительского, поезжай к отцу.

Алексей. А сколько тебе лет, Андреич?

Толстой. Не при дамах будь сказано, за семьдесят перевалило.

Алексей. А кажись, по Писанию-то, семьдесят – предел жизни
человеческой.[20] Как же ты, сударь, одной ногой во гробе стоя, за такое
дело взялся? А еще думал, что любишь меня...

Толстой. И люблю, родной, вот как люблю! Ей до последнего издыхания,
служить тебе рад. Одно только в мыслях имею – помирить тебя с батюшкой.

Алексей. Полно-ка врать, Андреич. Аль думаешь, не знаю, зачем вы сюда с
Румянцевым присланы? На него, разбойника, дивить нечего. А как ты, Андреич,
на государя своего руку поднял? Убийцы, убийцы вы оба! Зарезать меня
батюшкой присланы...

Толстой (всплеснув руками). Бог тебе судья, царевич!

Алексей (усмехаясь). Ну, и хитер же ты, Махивель[21] Российский! А только
никакою, брат, хитростью в волчью пасть овцу не заманишь..

Толстой. Волком отца разумеешь?

Алексей. Волк не волк, а попадись я ему – и костей моих не останется. Да
что мы друг друга морочим? И сам, чай, знаешь.

Толстой. Да ведь Богом клялся. Ужли же клятву преступит?

Алексей. Что ему клятвы? За архиереями дело не станет: Разрешат и соборяне:
на то самодержец Российский. Нет, Андреич, даром слов не трать, – живым не
дамся.

Толстой вздыхает, вынимает из табакерки понюшку и медленно разминает ее
между пальцев.

Толстой. Ну, видно, быть так. Делай, как знаешь. Меня, старика, не
послушал, – может, отца слушаешь. Сам, чай, скоро будет здесь.

Алексей (вздрагивая и взглядывая на дверь). Где здесь? Что ты врешь,
старик?

Толстой так же медленно засовывает понюшку сначала в одну ноздрю, потом – в
другую, затягивается и стряхивает платком табачную пыль.

Толстой. Хотя объявлять и не ведено, да уж, видно, проговорился. Получил я наемни от царского величества письмо саморучное, что изволит ехать в Италию. А когда приедет сам, кто может возбранить отцу с тобою видеться? Не мысли, что сему нельзя сделаться, понеже ни малой в том трудности нет, кроме токмо изволения царского величества. А то тебе самому известно, что государь давно в Италию ехать намерен; ныне же для сего случая всемерно поедет.

Молчание.

Толстой. Куда тебе от отца уйти? Разве в землю, а то везде найдет. Жаль мне тебя, Петрович, жаль, родимый... (Помолчав). Ну, так как же? Что изволишь ответить?

Алексей. Не знаю, сего часу не могу ничего сказать. Надобно думать о том гораздо...

Толстой. Подумай, подумай, миленький. А буде предложить имеешь какие кондиции, можешь и мне объявить. Я чай, батюшка на все согласится. И на Ефросинье жениться позволит. Подумай, подумай, родной. Утро вечера мудренее. Ну, да еще успеем поговорить, не в последний раз видимся.

Алексей. Говорить нам, Петр Андреич, больше не о чем и видеться незачем. Да ты здесь долго ли пробудешь?

Толстой. Имею повеление не отлучаться отсюда, прежде чем возьму тебя, и, если бы перевезли в другое место, – и туда буду за тобою следовать. Отец не оставит тебя, пока не получит живым или мертвым.

Встает и хочет поцеловать руку Алексея; тот ее отдергивает.

Толстой. Всемиловнейшей особы вашего высочества всепокорный слуга!

Низко кланяется и уходит с Румянцевым. Алексей сидит, опустив голову и закрыв лицо руками. Даун подходит к нему и кладет руку на плечо его.

Алексей (подымая голову). Скажите, граф, если отец будет требовать меня вооруженною рукою, могу ли я положиться на протекцию цесаря?

Даун. Будьте покойны, ваше высочество. Император довольно силен, чтобы защищать принимаемых им под свою протекцию, во всяком случае.

Алексей. Знаю. Но я говорю вам теперь, не как наместнику императора, а как благородному кавалеру, как доброму человеку: вы были ко мне так добры всегда. Скажите же всю правду, не скрывайте от меня ничего. Ради Бога, граф, не надо политики! Скажите правду... (Опускается на колени). Именем Бога и всех святых умоляю императора не покидать меня! Страшно подумать, что будет со мной, если я попадусь в руки отцу. Никто не знает, что это за человек, – я знаю...

Даун. Встаньте, встаньте же, ваше высочество! Непристойно стоять на коленях сыну царя... Клянусь Богом, что говорю вам всю правду, без всякой политики: насколько я знаю цесаря, он ни за что вас не выдаст; это было бы унижительно для чести его величества и противно всесветным правам, знаком варварства.

Обнимает его, целует в лоб и усаживает в кресло. Входит Вейнгардт.

Даун (подходя к Вейнгардту). Император настаивает, чтобы царевич удалил от себя ту непотребную женщину, с которой живет. У меня не хватило духу сказать ему об этом сегодня. Когда-нибудь, при случае, скажите вы.

Занавес

Вторая картина

Там же. Ночь. Сирокко. Окна и дверь на галерею закрыты ставнями. Свист ветра и глухой гул морского прибоя. Алексей шагает по комнате. Ефросинья, сидя с ногами в кресле и кутаясь в шубку, следит за ним глазами; однообразным движением пальцев скручивает полуоторванный от петли шнурок. Молчание.

Алексей (вдруг остановившись). Ну; делать нечего, маменька, собирайся в путь. Едем к папе в Рим. Кардинал мне тутошний сказывал, папа-де примет под свою протекцию.

Ефросинья (пожимая плечами). Пустое, царевич. Когда и цесарь держать не хочет девку зазорную, так где уж папе. Ему, чай, нельзя и по чину духовному. И войска нет, чтоб защитить, коли батюшка будет тебя с оружием требовать.

Алексей. Как же быть, маменька? Указ получен от цесаря, чтоб отлучить тебя, не медля. До утра едва ждать согласились. Того и гляди, силой отнимут. Бежать надо...

Ефросинья. Куды бежать? Везде найдут. Один конец, – поезжай к отцу.

Алексей. И ты, и ты, Афрося! Напели тебе, видно, Толстой да Румянцев, а ты и уши развесила.

Ефросинья. Петр Андреич добра тебе хочет.

Алексей. Добра! Что ты смыслишь? Молчи уж, баба, волос долог, ум короток. Аль думаешь, не запытают и тебя? И на брюхо не посмотрят: у нас-де то не диво, что девки на дыбах раживали.

Ефросинья. Да ведь милость обещал...

Алексей. Вот они мне где, батюшкины милости!

Ефросинья. А что ж, царевич, и потерпи. Плетью обуха не перешибешь, с царем не поспоришь. А он тебе не только царь. а и отец богоданный...

Алексей. Не отец, а злодей, мучитель, убийца!

Ефросинья. Государь царевич, не гневи Бога, не говори слов неистовых. И в Писании-де сказано: чти отца своего.[22]

Алексей. А ведь и другое тоже, девка, в Писании сказано: «не приидох вложить мир, но рать и нож; приидох разлучити человека сына от отца».[23] Слышишь: Господь разлучил меня от отца моего. От Господа я рать и нож в сердце родшего мя, я суд и казнь ему от Господа! И не смирюсь, не покорюсь, даже до смерти. Тесно нам обоим в мире. Или он, или я!

Опять ходит по комнате. Молчание.

Алексей. Ну, ладно. Куда ни на есть, а завтра едем. Папа не примет, – во Францию, в Англию, к шведу, к турку, к черту на рога, – только не к бабушке!

Ефросинья. Воля твоя, царевич, а я с тобой не поеду.

Алексей (останавливаясь). Как не поедешь? Что еще вздумала?

Ефросинья. Не поеду. Я уже и Петру Андреевичу сказывала: не поеду-де с царевичем никуды, окромя батюшки: пусть едет один, куда знает.

Алексей. Что ты, что ты, Афросинюшка, маменька? Христос с тобой! Да разве

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosoff.org
я?.. О, Господи, разве я могу без тебя?

Ефросинья (совсем оторвав шнурок от петли и бросив на пол). Как знаешь, царевич. А только не поеду. И не проси.

Алексей. Одурела ты, девка, что ль? Возьму, так поедешь. Много ты о себе мыслишь. Аль забыла, кем была?

Ефросинья. Кем была, тем и осталась: его царского величества, государя моего. Петра Алексеича, раба верная. Из воли его не выступлю. С тобой против отца не пойду.

Алексей. Вот ты как заговорила! С Толстым да с Румянцевым снюхалась, со злодеями, с убийцами! За все добро мое, за всю любовь... Подлая! Подлая! Хамка, отродье хамово!

Ефросинья. Полно тебе, государь, лаяться, а как сказала, так и сделаю.

Алексей (опускаясь в кресло, взяв ее за руку и стараясь заглянуть ей в глаза). Афросьюшка, маменька, друг мой сердешненький, что же это, что ж это, Господи? Время ли ссориться? Зачем так говоришь? Знаю, что того не сделаешь, в такой беде одного не покинешь; – не меня, так дитё свое пожалеешь...

Ефросинья молчит.

Алексей. Аль не любишь? Ну, что ж, уходи, коли так. Бог с тобой! Держать силой не буду. Только скажи, что не любишь...

Ефросинья (вставая). А ты думал, люблю? Когда над глупой девкой ругался, насильничал, пьяный, ножом грозил, – тогда б и спрашивал, люблю аль нет?

Алексей. Афрося, Афрося, что ты? Аль слову моему не веришь? Ведь женюсь, венцом тот грех покрою.

Ефросинья (смеясь). Челом бью, государь, на милости! Еще бы не милость! На холопке царевич изволит жениться! А ведь вот, поди ж ты, дура какая, – этакой чести не рада! Терпела, терпела – мочи моей больше нет! Что в петлю, аль в прорубь, что за тебя, постылого. Лучше б и впрямь убил меня тогда, зарезал! Царцей-де будешь, – вишь, чем вздумал манить! Да, может, мне девичий-то стыд и воля дороже царства твоего. Нагляделась я на ваши роды царские, – срамники вы, паскудники! У вас во дворе, что в волчьей норе: друг за дружкой так и смотрите, кто кому горло перервет. Батюшка – зверь большой, а ты – малый: зверь зверушку и съест. Куда тебе тягаться с ним? Хорошо-де государь сделал, что у тебя наследство отнял. Где эдакому царствовать? В дьячки ступай грехи замаливать! Жену уморил, [24] детей бросил, с девкой сваялся, отстать не может. Ослаб, измотался, испаскудился. Вот и сейчас баба ругает в глаза, а ты молчишь, пикнуть не смеешь. У, бесстыдник! Избей я тебя, как собаку, а потом помани только, свистни, – опять за мной побежишь, язык высуня, что кобель за сукою. А туда же любви захотел. Да разве этаких любят...

Алексей (тихо, про себя). Венус. Венус... Дьяволица Белая...

Ефросинья. Погоди, уж узнаешь, как тебя люблю! За все, за все заплачу. Сама на плаху пойду, а тебя не покрою. Все расскажу батюшке: как ты оружия просил у цесаря, чтоб войной идти на царя, возмущению в войске радовался, к бунтовщикам пристать хотел, отцу смерти желал, злодей. Все, все донесу, – не отвертись! Запытает тебя царь, плетью засечет, а я стану смотреть, да спрашивать: что, мол, свет Олешенька, друг мой сердешненький, будешь помнить, как Афрося любила?.. А щенка твоего, как родится, – я своими руками...

Алексей закрывает лицо, затыкает уши. Ефросинья выбегает в соседнюю комнату. Оттуда слышится стук отпираемых и запираемых шкафов, сундуков, шкатулок и ящичков. Алексей прислушивается, встает, идет к двери и выглядывает. Входит караульный офицер.

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Офицер (подавая письмо). Письмо mademoiselle Euphrosine, ваше высочество.
Алексей. Какое письмо?

Офицер. Забыть изволили. Намедни велели доставить, если mademoiselle будет писать капитану Румянцеву. Так вот оно самое. Перехватил.

Алексей (взяв письмо и давая денег). Благодарю вас. Ступайте.

Офицер. Счастлив служить вашему высочеству.

Уходит.

Алексей (распечатывает, читает и роняет письмо на пол; схватившись руками за голову, стонет). О-о-о!

Входит Ефросинья с дорожным узлом в руках. Алексей оборачивается к ней. Молча, смотрят друг другу в глаза.

Алексей (подойдя к Ефросинье). Так ты и впрямь к нему?..

Ефросинья. Хочу – к нему, хочу – к другому. Тебя не спрошусь.

Алексей (схватив ее за горло). Тварь! Тварь! Тварь!

Хватает нож со стола и замахивается. Ефросинья молча борется. Стол со свечой падает. Свеча гаснет. В темноте стук упавшего тела. Алексей выбегает и приносит свечу. На полу лежит Ефросинья с закрытыми глазами.

Алексей (склонившись над ней). Афросьюшка, матушка... (Кричит без голоса). Помогите! Помогите! Помогите!

Поднимает ее и переносит на канапе. Целует ей руки, ноги, платье.

Алексей. Маменька, маменька!.. Что ж это. Господи? Убил, убил, окаянный! (Рыдает и рвет на себе волосы). Господи Иисусе, Матерь Пречистая, возьми душу мою за нее!

Ефросинья открывает глаза.

Алексей. Афрося, Афрося, что ты, маменька?..

Ефросинья смотрит на него молча. Потом, приподнявшись, обвивает ему шею руками.

Ефросинья. Испужался, небось? думал, убил до смерти? Пустое! Не так-то легко бабу убить. Что кошки, живучи. Милый ударит, тела прибавит.

Алексей. Прости! Прости!

Ефросинья (прижимаясь щекой к щеке и глядя рукой волосы его). Ах. глупенький, глупенький! Погляжу я на тебя – совсем дитячко малое! Ничего-то не смыслит, не знает нашего норова бабьего! Так ведь и поверил, что не люблю! Подь-ка сюды, что я тебе на ушко скажу. (Приблизив губы к самому уху его). Люблю, люблю, как душу свою, душа моя, радость моя! Как мне на свете быть без тебя, как живой быть? Лучше бы мне, – душа моя с телом рассталась. Аль не веришь?

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosoff.org
Алексей плачет.

Ефросинья. Ох, свет мой, батюшка мой, Олешенька, и за что ты мне таков мил? Вся всегда в воле твоей... Да вот горе мое: и все-то мы, бабы, глупые, злые, а я пуще всех. Дал мне Бог сердце несытое. И вижу, что любишь, а мне все мало, – чего хочу, сама не знаю. Чтой-то, думаю, голубчик мой тихонькой, никогда поперек слова не молвит, не рассердится, не поучит меня, глупую? Рученьки его я над собою не слышу, грозы не чую. Не мимо-де молвится: кого люблю, того и бью. Аль не любит? А ну-ка; рассержу я его, попытаю, что из него будет? А ты – вот ты каков! Едва не убил. Ну, да впредь наука, – помнись буду и любить буду, вот как! (С тихим смехом прижимается к нему все крепче). А ты думал, ласкать не умею? Погоди, уж так ли еще... Только утоли ты мое сердце глупое, сделай, о чем прошу, чтоб знала я, что любишь меня, как я тебя, – до смерти... Ох, жизнь моя, любонька, лапушка! Сделаешь? Сделаешь?

Алексей. Все сделаю. Видит Бог, нет того на свете, чего бы не сделал, – только скажи...

Ефросинья (шепотом). Вернись к отцу! (Помолчав). Тошно мне, ох смерть моя, тошнехонько – во грехе с тобой да в беззаконье жить. Не хочу быть девкой зазорной, – хочу быть женою честною. Говоришь: и ныне-де все равно что жена. Да полно, какая жена, – венчали вкруг ели, а черти пели. И мальчик-то наш, Ванечка, приبلудным родится. А вернешься к отцу, – и женишься. Вот и Толстой говорит: «пустое-де, говорит, царевич предложит батюшке, что вернется, когда позволят жениться; а батюшка еще и рад будет, только б-де он, царевич, от царства отрекся да жил в деревнях своих, на покое. Что-де на рабе жениться, что клобук надеть, – едино: не бывать ему уже царем». А мне-то, светик мой, Олешенька, того только и надобно. Боюсь я, ох, жизнь моя, царства-то я пуще всего и боюсь! Как станешь царем, не до меня тебе будет: царям любить некогда. Не хочу быть царицею постылою; хочу быть любонькой твоею вечною. Любовь моя – царство мое. Уедем в деревню – будем в тишине, да в холе, да в неге жить, – я, да ты, да Ванечка, – ни до чего нам и дела не будет. Ох, сердце мое, жизнь моя, радость моя! Аль не хочешь? Не сделаешь? Аль царства жаль?

Алексей. Что спрашиваешь, маменька? Сама знаешь – сделаю.

Ефросинья (тихонько отстранив его, – чуть слышным вздохом). Клянись!

Алексей. Богом клянусь!

Ефросинья задувает свечу. Темнота, тишина, – только свист ветра и глухой гул морского прибойя.

Занавес.

Четвертое действие

В Петербурге, в Зимнем дворце, в рабочей комнате Петра. В углу, перед образом Спаса Нерукотворного, теплится лампада и свечи в паникадиле. Белая ночь.

Петр (один, сидя в кресле и глядя на образ). Господи, да не в ярости Твоей обличиши мене, ниже во гневе Твоем накажиши мене! Яко Моисей в пустыне, вопию к Тебе, Господи:[25] для чего Ты мучаешь раба твоего, и почто не обрел я милости пред очами Твоими? Почто возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве моем весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты обещал? Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня. Когда Ты так поступаешь со мною; то лучше умертви меня; Господи!

Встает, подходит к аналою и раскрывает Библию.

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org Петр (читает). «Бог искушаше Авраама и рече: пойми сына твоего возлюбленного, его же возлюбил еси, Исаака, и вознеси его во всесожжение. И созда Авраам жертвенник и, связав Исаака, сына своего, возложи его на жертвенник. И простре руку свою, взяти нож заклати сына своего...»[26]

Походит к образу и опускается на колени.

Петр. Сына заклати! Овна Ты послал Аврааму за сына, а мне не пошлешь, Господи? Почто искушаешь? Чего хочешь? Именем твоим клялся я простить. Клятву нарушить, казнить, – погубить себя? Клятву исполнить, простить, – погубить Россию? Чего же хочешь? Отступи, ослаби, избави мя от кровей, Боже, Боже спасения моего! Помилуй! Помилуй! Помилуй! (С криком почти гневным). Да помилуй же. Господи!

Падает ниц. Молчание. Стук в дверь. Петр встает, отходит от образа и садится в кресло.

Петр. Андреич, ты?

Голос Толстого (из-за двери). Я, государь.

Петр. Войди.

Входит Толстой.

Толстой (целуя руку Петра). Здравия желаю, ваше величество.

Петр. Ну, что, кого сегодня?

Толстой. Царицу бывшу. Паки подтвердила, что со Степкой Глебовым[27] в блуде жила.

Петр. Объявить в народ, как манифест будет о деле.

Толстой. Слушаю-с, ваше величество. Да еще показала, что чернеческое платье скинула, понеже Досифей епископ[28] предрек, что ты, ваше величество, скоро помрешь, и она-де, царица, впредь царствовать будет вместе с царевичем. А расстрига Демид, Досифей бывший, в застенке подыман и спрашиван: «для чего-де желал царскому величеству смерти?» Дано ударов девятнадцать. Объявил: «делал-де для того, чтоб царевичу Алексею Петровичу царствовать, и было бы народу легче, и строение Санкт-Петербурха престало бы». Да он же, расстрига Демид, на царевну Марью показывал, что говорила: «когда государя не будет, я-де царевичу рада о народе помогать и управлять государством». Да она же, царевна, говорила: «государь-де скоро помрет, и Питербурх пустеть будет».

Петр. Пытал?

Толстой. Никак нет, токмо в застенок привожена.

Петр. Всё бабьи сплетни да шепоты. Месяц розыск чините, а до сущего дела, до корня злодейского бунта добраться не можете.

Толстой. Весь корень в нем.

Петр. А он что?

Толстой. Молчит, запирается. Упрямство замерзлое. Только пьет, да пьяный, кричит слова хульные.

Петр. Какие?

Толстой. Уволь, ваше величество: изречь невозможно...

Петр. Говори.

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org

Толстой. Что «слух-де есть, будто государь батюшка царицу, мать мою, на дыбе кнутом сек, так путь и меня засечет». И ругается.

Петр. Как?

Толстой молчит.

Петр. Говори.

Толстой. «Зверем, Антихристом»...

Молчание

Толстой. Допросить бы с пристрастием, как следует. А то и судить не знамо как: ни одной улики.

Петр. Царскую кровь пытать вздумал? Смотри ты у меня – не далеко, брат, и тебе до плахи.

Толстой. Воля твоя, государь.

Петр. Привез его?

Толстой. Привез.

Петр. И девку?

Толстой. И ее. Через оную девку многое можно сыскать: в большой конфиденции плезиров ночных у него состоит; такую над ним силу взяла, что пикнуть не смеет.

Петр. Ну, ладно, уж очную ставку сделаем. Ступай за ним.

Толстой уходит. Петр разбирает бумаги на столе. Входит Алексей. Остановившись у двери и не глядя на Петра, крестится на образ.

Петр. Подойди.

Алексей подходит.

Петр (указывая на кресло против себя). Садись.

Алексей садится.

Петр (тихо). Алеша...

Алексей вздрагивает, взглядывает и тотчас опускает глаза. Петр проводит рукой по лицу.

Петр (громко). Сын, помнишь, что перед всем народом объявлено: хотя и прощаю тебя, но ежели всей вины не объявишь и что утаишь, а потом явно будет, то казнен будешь смертью?

Алексей. Помню.

Петр. Ну, так в последний тебе говорю: объяви все и очисти себя, как на сущей исповеди.

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Алексей. Все объявил, больше ничего не знаю.

Петр. Ничего?

Алексей молчит.

Петр. Отвечай.

Алексей. Что отвечать? Все едино, не поверишь. Я уж говорил: никакого дела нет, а только слова. Я пьяный, всегда вирал всякие слова, и рот имел незатворенный, не мог быть без противных разговоров в кумпаниях и с надежи на людей бреживал. Сам ведаешь, пьян-де кто не живет. Да это все пустое.

Петр. Кроме слов, не было ль умыслу к бунту и к смерти моей?

Алексей. Не было.

Петр (взяв письмо со стола и показывая Алексею). Твоя рука?

Алексей. Моя.

Петр. Волей писал?

Алексей. Неволею. Как был в протекции цесарской, принуждал секретарь графа Шёнборна, Кейль; «Понеже, говорил, есть ведомость, что ты умер, того рад пиши в Питербурх, к архиереям и сенаторам, чтоб тебя не оставили, а буде не станешь писать, и мы тебя держать не станем». И не вышел вон. покамест я не написал.

Петр (указывая пальцем, читает). «Прошу вас ныне меня не оставить, ныне». Сие ныне в какую меру дважды писано, и почернено зачем?

Алексей (дрогнувшим голосом). Не упомню.

Петр. Истинно ли писано неволею?

Алексей. Истинно.

Петр (подойдя к двери). Андреич!

Входит Толстой.

Петр (на ухо Толстому). Девку.

Толстой уходит. Петр садится за стол и пишет. Входит Ефросинья.

Алексей (вскакивая и протягивая руки со слабым криком). Маменька!..

Петр. Правда ли, Федоровна, – сказывает царевич, – письмо-де к архиереям и сенаторам писано неволею, по принуждению цесарцев?

Ефросинья. Неправда. Писал один, и при том никого иноземцев не было, а были только я, да он, царевич. И говорил мне, что пишет те письма, чтоб в Питербурхе в народ подкидывать для бунта, а ныне-де архиереям и сенаторам.

Алексей. Афрося, Афросьюшка, маменька, что ты?.. (Петру). Не знает, забыла, чай. Я тогда план Белгородской атаки отсылал секретарю, а не то письмо..

Ефросинья (глядя на него в упор). То самое, царевич. При мне и печатал, Аль забыл? Я видела.

Алексей. Что ты? что ты? что ты, маменька?..

Петр. Сын, сам, чай, видишь, что дело сие нарочитой важности. Когда письма те писал волей, то явно к бунту намерение не токмо в мыслях имел, но и в

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
действие весьма произвеств умышлял. И то все в прежних повинных своих утаил не беспамятством, а лукавством, знатно, для таких-де впредь дел и намерения. Однако ж, совесть нашу не хотим иметь пред Богом нечисту. Паки и в последний спрашиваю: правда ль, что волей писал?

Алексей молчит.

Петр. Жаль мне тебя, Федоровна, а делать нечего: пытаться буду.

Алексей. Правда.

Петр. В какую же меру «ныне» писал?

Алексей. В ту меру, чтоб за меня больше вступились в народе, применяясь к ведомостям печатным о бунте войск в Мекленбургии. А потом помыслил, что дурно, и вымарал.

Петр. Бунту радовался?

Алексей молчит.

Петр. А когда радовался, то чаю, не без намерения: ежели бы впрямь то было, к бунтовщикам пристал бы?

Алексей. Буде прислали бы за мною, то поехал бы. А чаял присылке смерти твоей, для того...

Петр. Ну?

Алексей. Для того, что хотели тебя убить, а чтоб живого отлучили от царства, не чаял...

Петр (тихо). А когда б при живом?

Алексей (так же тихо). Ежели б сильны были, то мог бы и при живом.

Петр (Ефросинье). Объяви все, что знаешь, Федоровна.

Ефросинья. Царевич наследства всегда желал прилежно. А ушел оттого, будто ты, государь, искал всячески, чтоб ему живу не быть. И как услышал, что у тебя меньшей сын, царевич Петр Петрович, болен, говорил мне: «Вот, видишь, батюшка делает свое, а Бог – свое». И надежу имел на сенаторей: «Я-де старых всех выведу, а изберу себе новых, по своей воле». А когда слышал о каких видениях или читал в курантах, что в Питербурхе тихо, говаривал, что видение и тишина не даром: «либо-де отец мой умрет, либо возмущение будет». И тому радовался. «Плюну я на всех, говаривал, здорова бы мне чернь была». Да объявлял многие на тебя, государя, несправедные клеветы, просил цесаря, дабы его, царевича, не токмо скрыл, но и оборону свою вооруженною рукою дал против тебя, государя, аки злодея своего мучителя., от которого-де чаёт и смерть пострадать.

Петр (Алексею). Все ли то правда?

Алексей. Все.

Петр (Ефросинье). Ступай, Федоровна. Спасибо тебе, не забуду.

Подает ей руку. Ефросинья целует ее и идет к двери.

Алексей (приподымаясь). Маменька, маменька, не поминай лихом! Ведь, может, больше не свидимся...

Ефросинья, стоя на пороге, оглядывается.

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Алексей. И за что ты меня так?

Ефросинья уходит. Алексей опускается в кресло, закрыв лицо руками. Петр, делая вид, что читает бумаги, взглядывает на Алексея украдкой.

Алексей (вдруг отняв руки от лица). Ребеночек где? что с ним сделал?

Петр. Какой ребенок?

Алексей указывает на дверь, в которую вышла Ефросинья.

Петр. Умер. Родила мертвым.

Алексей (вскакивая и подымая руки, как будто грозя). Врешь! Убил, убил, убил! Задавил, аль в воду, как щенка, выбросил! Его-то за что, младенца невинного? Мальчик, что ль?

Петр. Мальчик.

Алексей (тихо, про себя). когда б судил мне Бог на царстве быть, наследником бы сделал. Иваном назвать хотел: «Царь Иоанн Алексеевич»... Трупик-то, трупик где? куда девал? Говори!

Петр молчит.

Алексей (схватившись руками за голову). В кунсткамеру, с монстрами? В банку, в банку со спиртом? Наследник царей Всероссийских в спирту, как лягушонок, плавает! (Смеется).

Петр. Чего дурака валяешь? Аль и вправду ума исступил? (Помолчав). Изволь отвечать, что еще больше есть в тебе?

Алексей, вдруг перестав смеяться, опускается в кресло, откидывается головой на спинку и смотрит на Петра, молча.

Петр. Когда имел надежду на чернь, не подсылал ли кого о возмущении говорить, или не слышал ли от кого, что чернь бунтовать хочет?

Алексей молчит.

Петр. Отвечай!

Алексей. Все сказал. Больше говорить не буду.

Петр (ударяя кулаком по столу). Не будешь?

Толстой приотворяет дверь и заглядывает.

Алексей (вставая). что грозишь, батюшка? не боюсь я тебя, ничего не боюсь. Все ты взял у меня, все погубил, – и душу, и тело. Больше взять нечего. Когда манил из протекции цесарской. Богом клялся и судом Его, что простишь. Где ж клятва та? Осрамил себя перед всею Европою. Самодержец Российский – клятворугатель и лжец! кровь сына, царскую кровь, ты первый на плаху прольешь, и падет сия кровь от главы на главу, до последних царей, и погибнет весь род наш в крови. За тебя Россию...

Петр (вскакивая и подымая руки над головой Алексея). Молчи! убью!

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Алексей. Убей, а правду знай: накажет Бог Россию за тебя, злодей,
кровопийца, зверь, антихрист!

Петр с глухим стоном валится навзничь в кресло. Вбегают Толстой и Румянцев.

Толстой. Держи, держи! Ума исступил! Беды наделает!

Толстой и Румянцев хватают Алексея за руки. Петр сидит, не двигаясь.

Толстой. Увести прикажешь, ваше величество?

Петр делает знак рукою. Толстой и Румянцев уводят Алексея. Петр сидит, все так же не двигаясь. Наконец, медленно встает, идет к образу и опускается на колени.

Петр. Помилуй! Помилуй! Помилуй! Избави мя от кровей. Боже, Боже спасения моего!

Занавес.

Пятое действие

Первая картина

Каземат в Трубецком раскате Петропавловской крепости. Алексей спит на койке. Лейб-медик Блюментрост и врач Аренгейм за столом готовят лекарства. Летний вечер.

Блюментрост. Verfluchtes Land! Verfluchtes Volk? Проклятая страна!
Проклятый народ! Помяните слово мое: в России когда-нибудь кончится все ужасным бунтом: и самодержавие падет, ибо миллионы вопиют к Богу против царя.

Аренгейм. Тише, ради Бога, тише, ваше превосходительство! Кажется, за нами следят, у дверей подслушивают.

Блюментрост. Э, пусть! Я готов сказать им всю правду в глаза. Смердящие дикари, медведи крещеные, которые, превращаясь в европейских обезьян, становятся из страшных жалкими.

Аренгейм. А в предсказание Лейбница, [29] ваше превосходительство, не верите?

Блюментрост. Если бы Лейбниц знал то, что я знаю, он думал бы иначе. Величие России – гибель Европы, новое варварство. Кажется, впрочем, водка и дурная болезнь – два бича, посланных самим Божиим для избавления мира от этого бедствия. Да, кто-то кого-то непременно съест: или мы – их или они – нас...

Алексей стонет во сне.

Аренгейм. Проснулся?

Блюментрост. Едва ли. Доза лауданума была изрядная.

Аренгейм. Уж очень к водке привык: лауданум плохо действует.

Блюментрост. Переменили на спине примочку?

Аренгейм. Переменил.

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Блюментрост. Ну, что, как рубцы?

Аренгейм. Заживают.

Блюментрост. А завтра опять кнутом раздерут. Подлую, подлую роль мы с вами играем, господин Аренгейм: залечиваем раны, чтобы дольше можно было истязать.

Аренгейм. Как же быть, ваше превосходительство? Жаль несчастного...

Блюментрост. Да, жаль, а то без оглядки бежал бы из этого ада!

Аренгейм. И бежать не легко; со вчерашнего дня крепость войсками оцеплена, никого не пропускают. Мы тут все под арестом.

Блюментрост. И, кажется, все с ума сойдем. Когда я наемни отказался присутствовать при истязании, мне самому пригрозили застенком. А царевичу дано 25 ударов и, не кончив пытки, сняли с дыбы, потому что лейб-медик Арескин[30] объявил, что плох и может умереть под кнутом.

Алексей. Федорыч, а Федорыч...

Блюментрост. Зовет?

Аренгейм. Нет, бредит.

Алексей. Брысь. брысь! Вишь, уставилась. Глазища, как свечи, а усы торчком, совсем, как у батюшки. Гладкая, черная, в рост человеческий, – этаких я и не видывал. Мурлычит, проклятая, ластится, а потом, как вскочит на грудь, станет душить, сердце когтями царапать... Федорыч, а Федорыч, да прогони ты ее, ради Христа!..

Аренгейм. Разбудить?

Блюментрост. Зачем? Явь не лучше бреда.

Аренгейм. Да, не лучше. Сил моих больше нет, ваше превосходительство! Об одном молю Бога: скорей бы конец!

Блюментрост. Кажется, скоро. Сегодня Верховный суд собирается.

Аренгейм. Казнят?

Блюментрост. Не знаю. Может быть, и помилуют. Государь ведь любит сына.

Аренгейм. Любит и мучает так?

Блюментрост. Да, соединять подобные крайности – особенный русский талант, – то, чего нам, глупым немцам, слава Богу, понять не дано. О, вы его еще не знаете! Мне иногда кажется, что это не человек...

Аренгейм. А что же?

Блюментрост. Полузверь, полубог.

Алексей (бредит). Батя, а батя, поди-ка сюда, выпьем. Хочешь, спю песенку? Веселее будет, право...

Мой веночек тонет, тонет.

Мое сердце ноет, ноет...

Да что ты такой скучный? Аль он тебя обижает... Давеча гляжу я на него и в толк не возьму, кто такой?.. Ты да не ты, – барабанщик какой-то, немец аль жид поганый, черт его знает! Вся рожа накосо. Оборотень, что ли?.. осиноый кол ему в горло. – и делу конец.

Входит Толстой.

Толстой (подойдя к Алексею и заглядывая в лицо его). Спит?

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Блюментрост. Спит.

Толстой. Плох?

Блюментрост. Как видите.

Толстой. А мне бы поговорить нужно. Разбудите, Иван Федорыч.

Блюментрост. Извольте сами.

Толстой (взяв Алексея за руку). Царевич, а царевич! Ваше высочество!

Алексей (открывая глаза). Здравствуй, козел!

Толстой. Не козел, а твой покорный слуга, сенатор Толстой.

Алексей. Ну, сенатор так сенатор, – мне все едино. А лицо-то зачем у тебя в шерсти? Да вон и рожки на лбу?

Толстой. Рожки? Хэ-хэ, не мудрено нашего брата, старика, бабам сделать и с рожками?

Алексей. А ты все еще за бабами волочишься?.. Ну, ладно, зачем пришел?

Толстой. Велел спросить батюшка...

Алексей. Ничего, ничего, ничего я больше не знаю! Оставьте меня! Убейте, только не мучайте!..

Толстой. Полно-ка, Петрович, миленький! Даст Бог, все обойдется. Перемелется – мука будет. Потихоньку да полегоньку, ладком да мирком. Мало ли чего на свете не бывает? Господь терпел и нам велел. Аль думаешь, не жаль мне тебя? Ох, жаль, родимый, так жаль, что, кажись, душу бы отдал! Верь, не верь, а я тебе всегда добра желал...

Алексей. Вот тебе за твое добро, подлец! (Приподымается, хочет плюнуть в лицо Толстому и падает навзничь). Ой-ой-ой!

Блюментрост (Толстому). Уходите, уходите, оставьте больного в покое или я ни за что не отвечаю!

Толстой. Эй, горе! Подождать маленько, – может, и очнется!

Садится в кресло у койки.

Алексей. Брысь же, брысь, окаянная! Федорыч, Федорыч, да прогони ты ее, ради Христа!

Блюментрост (Аренгейму). Дайте полотенце.

Аренгейм подает полотенце и чашку с водой. Блюментрост мочит и кладет на голову Алексею. Молчание.

Алексей (открывая глаза). Петр Андреич, ты? Что же не разбудил? А я все жду, когда-то придешь. Просьба у меня к тебе великая. Будь другом, заставь за себя век Бога молить. Выпроси у батюшки, чтобы с Афросьей мне видеться.

Толстой. Выпрошу, миленький, выпрошу, все для тебя сделаю! Только бы как-нибудь нам по пунктам ответить.

Немного их. всего три пунктика. Небось, небось, не для розыска, а только для ведения.

Вынимает из кармана бумагу.

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Алексей. Постой-ка, Андреич... А кто же это давеча был?

Толстой. Я и был.

Алексей. Вот что! Так это я тебе?..

Толстой. Мне, батюшка, мне чуть в рожу не плюнул.

Алексей. Ох, Андреич, голубчик, прости! Не узнал я тебя!

Толстой. Бог простит, Петрович.

Алексей. Не сердись, правда?

Толстой. Что же сердиться? Наше дело таковское: плюй нами в глаза – все Божья роса. А я тебе, ваше высочество, всегда рабски служить готов до издыхания последнего. (Целует руку его). Пунктики-то прислушать изволишь?

Алексей. Ну, читай.

Толстой (читает). «1. Что есть причина, что не слушал меня и ни мало ни в чем не хотел угодное делать; а ведал, что сие в людях не водится, также грех и стыд? 2. Отчего так бесстрашен был и не опасался наказания? 3. Для чего иною дорогою, а не послушанием, хотел наследства?» Ответишь, миленький?

Алексей. Что ж отвечать-то, Андреич? Все сказал, видит Бог, все. И слов больше нет, мыслей нет в голове. Совсем одурел...

Толстой. Ничего, ничего, батюшка. Ответ готов. Только подписать, – и дело с концом. (Вынимает из кармана другую бумагу). Читать прикажешь?

Алексей. Читай.

Толстой (читает). «1. Моего к отцу непослушания причина та, что люди, которые при мне были, видя мою склонность ни к чему иному, только чтоб ханжить и конверсацию иметь с попами и чернецами и к ним часто ездить и попивать, в том во всем не токмо мне претили, но и сами то ж со мною делали. И отводили меня от отца моего, и, мало-помалу, не токмо воинские и прочие отца моего дела, но и самая его особа зело мне омерзела. 2. А что не боялся наказания, – и то происходило не от чего иного, токмо от моего злонравия, как сам истинно признаю, – понеже хотя имел страх от отца, но не сыновский. 3. А для чего иною дорогою, а не послушанием хотел наследства, то может всяк легко рассудить, что, когда я уже от прямой дороги вовсе отбился и не хотел ни в чем отцу моему последовать, то каким же было иным образом искать наследства, кроме того, как я делал. Хотел свое получить через чужую помощь? И ежели б до того дошло, и цесарь бы начал вооруженною рукою доставать мне короны российской, то я бы ничего не пожелал, только чтобы исполнить в том свою волю».

Алексей. Да, остро, остро бритва отточена!

Толстой. Какая бритва?

Алексей. А чтоб горло себе перерезать.

Толстой. Не разумею.

Алексей. Полно-ка, Андреич. Я чай, сам не хуже моего разумеешь, что сие – приговор смертный: подписать – руки на себя наложить. Коли правда, что я искал короны Российской иноземным оружием, то повинен есмь казни, яко злодей, и никакой вины, ни стыда в батюшке нет, – паче же слава, что, крови своей не щадя, сына казнит для отечества. А того-де ему и надобно: кровь мою излив, руки умоет.

Толстой. Ну, царевич, батюшка, одно тебе скажу: плохо ты обо мне думаешь, – давеча-то в рожу чуть не плюнул, – а об отце и паче того. (Помолчав). Так как же, родной, не подпишешь?

Алексей. Не подпишу.

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosoff.org
Толстой. Воля твоя, Петрович, а только гляди, как бы хуже не было.

Алексей. А что? Опять на дыбу потащите?

Толстой. Тебя-то, чай, не тронут, а кто на тебя поклепал, кнута отведает.

Алексей. Афрося?

Толстой. Коли правда твоя, – ее поклеп.

Молчание.

Толстой (вставая). Ну, будь здоров, ваше высочество. Так и доложу государю: что ответа не будет.

Идет к двери.

Алексей. Постой, Андреич, подумать дай.

Толстой возвращается, садится на прежнее место, вынимает табакерку, нюхает и смахивает платком слезинку с глаз.

Толстой. Батюшка, Алексей Петрович, сердешный, болезный ты мой, ну, что мне с тобой делать, а? Счастья Бог тебе послал, а ты и не чуешь. Сказал бы словцо на ушко, да как бы не на свою голову.. Эх, куда ни шло! Давеча, как с пункатами-то посылать к тебе изволил батюшка: «А что, говорит Петр Андреич, как думаешь, жаль мне сына моего непотребного?» – «Как же говорю, ваше величество, сына отцу не жалеть? И змея-де своих черев не ест, кольми паче отец». – «Ну, ладно, говорит, ступай, спроси и запиши не для розыска, а только для ведения. Так и скажи: розыска больше не будет, ниже пытки, пусть вольно объявит, по сущей совести, кто из нас виноват, я или он». Помолчал, очи потупил, а потом, будто про себя, шепотом: «А буде, говорит, покается, может, и помилую; пусть на Афроське женится да живет в своих деревнишках, удалясь от всего, на покое, Бог с ним! Только ты, Андреич, говорит, о том ему не сказывай. А что-де и змея своих черев не ест, этого слова я тебе не забуду». Да так глянуть изволил, что аж у меня душа в пятки.

Алексей. А ты не лжешь?

Толстой. Вот тебе крест. Аль кресту не веришь?

Алексей. Верю. А коли лжешь, Бог тебе судья. (Помолчав). А сам ты как думаешь – казнит?

Толстой. Не знаю. Не лгал и не солгу. Где нам, рабам, волю цареву знать? Может, казнит, а может, и помилует. Грозен-де, грозен батюшка, да ведь и милостив. Опять же и то рассуди? Казнит ли, помилует, – вреда от покаяния не будет, паче же польза. Первое: совесть свою перед Богом очистишь; второе: Афросинью от кнута избавишь; а третье, главное всего: буде казнь, так лучше сразу конец, – истомы пуще смерти.

Алексей. Нет, не лжешь, теперь не лжешь. Спасибо за правду, Андреич. Ну, давай же, давай перо! Скорее, скорее, скорее!

Толстой (Блюментросту). Сними повязку, Федорыч.

Блюментрост. Ваше превосходительство, по должности врача и по христианской совести, честь имею доложить, что его высочество в таком состоянии болезненном...

Толстой. А ты, немец, не суй носа, куда не просят. Снимай же, снимай, говорят!

Блюментрост (снимая повязку с правой руки Алексея, – тихо, про себя). Варвары!

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org

Толстой (придвинув столик с чернильницей, обмакнув перо и вкладывая в руку Алексея). Благослови, Господи, подписывай.

Алексей подписывает.

Толстой (спрятав бумагу в карман и целуя руку Алексея). Ну, Христос с тобой. Вишь, умаялся, бедненький! Почивай-ка с Богом, а я побегу, обрадую батюшку. (Идет к двери).

Алексей. Андреич!

Толстой (обернувшись). Что, родной?

Алексей. Нет, ничего, ступай.

Толстой уходит.

Блюментрост. Что вы сделали, что вы сделали, ваше высочество!

Алексей. А что?

Блюментрост. Сами же говорили давеча, что приговор смертный, а подписали.

Алексей. Ничего, Федорыч. Подписал, – и конец. Мучить больше не будут. Теперь, как Бог совершит. Буди воля Божья во всем. (Зевает). Ох-ох-ох! Дрема долит. И вправду, умаялся...

Закрывает глаза. Молчание.

Блюментрост (Аренгейму, шепотом). Уснул?

Аренгейм. Да. Как тихо.

Блюментрост. Вы хотели конца, Аренгейм, – вот и конец.

Аренгейм. Теперь уж не помирует?

Блюментрост. Не знаю. И теперь еще не знаю. Бог со зверем борется: увидим, кто кого победит.

Входит Петр.

Петр (подойдя к Алексею, шепотом). Спит?

Блюментрост. Спит. Разбудить прикажете, ваше величество?

Петр. Нет. Ступайте.

Блюментрост и Аренгейм уходят.

Петр (подойдя к Алексею и взяв его за руку). Алеша!

Алексей открывает глаза и смотрит на Петра молча долго. Пристально.

Алексей. Батя!

Петр опускается на колени.

Алексей. Вот и пришел! Вот и пришел! Настоящий, настоящий батя, миленький, родненький! (Хочет обнять голову Петра). Развяжи, неловко...

Петр (снимая повязки с рук Алексея). Больно?

Алексей. Нет, ничего. Зажило.

Петр закрывает лицо руками.

Алексей (обнимая голову его, прижимая к себе, целуя). Что ты, батя, о чем? Теперь хорошо. Все хорошо!

Петр (с рыданием). Алеша, дитяко, чадо мое первородное, Исаак мой возлюбленный!

Алексей. Да что ты, батя, что? О чем?

Петр. Смилуйся. Алеша, пожалей отца! Покайся, открой сердце свое, ничего не таи!

Алексей. Да что ж, родненький, что же еще? Я все сказал. Аль не знаешь, тут Толстой был с пунктами? Я все подписал, повинился во всем. Ничего, ничего больше нет.

Петр. Есть, Алеша! Корень, корень злодейского бунта открой! Все скажи, – все прощу!

Алексей. Ох, батя, батя, бедненький! Зачем ты себя мучаешь? Не меня, – себя казнишь, не жалеешь...

Петр. Ну, так хоть ты пожалей. Алеша, смилуйся, дитячко, смилуйся!

Алексей откидывает голову на подушки и смотрит на Петра, молча.

Алексей. Корень хочешь знать? Я – корень, я один. Казни меня и корень исторгнешь. А пока я жив, тебе покоя не будет. Казни же, да помни: не ты меня казнишь, а сам я за тебя на казнь иду. Только прости и люби, люби всегда. И пусть о том никто не знает. Только ты да я, ты да я... Сделай так. Сделаешь?

Петр. Что говоришь? Что говоришь? Ума иступить можно...

Алексей. Греха боишься?

Петр. Боюсь.

Алексей. Не бойся. Бог простит.

Петр. Не простит. Сам говоришь: за кровь твою накажет Бог Россию.

Алексей. Помилует. Вместе предстанем, вместе утолим.

Входит Толстой.

Алексей. А вот и он. За тобой пришел. Благослови, батя.

Петр встает, крестит и целует в голову Алексея.

Алексей. Сделаешь?

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
Петр молчит. Потом быстро оборачивается и уходит с Толстым.

Алексей (один). Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое! Воспою и пою во славе моей! Им же образом елень желает на источники водные, сие желает душа моя к Тебе, Боже! Возжаждала душа моя к Богу крепкому; живому!

Входят Блюментрост и Аренгейм.

Блюментрост. Как чувствовать себя изволите, ваше высочество?

Алексей. Хорошо; Федорыч. Встать хочу. Помогите.

Блюментрост. Вставать нельзя.

Алексей. Отчего нельзя? Можно, теперь все можно.

Приподымается. Блюментрост и Аренгейм помогают ему.

Алексей. К окну. (Ведут его к окну). Откройте. В последний раз на Божий свет взглянуть!

Открывают окно.

Алексей. Хорошо-то как, Господи! Солнышко ясное, травка зеленая, цветики желтые... А дух-то, дух от березок слаще дыма кадильного! В последний раз, в последний раз... Коль возлюбленны селения твои, Господи сил! Желает и скончается душа моя во двory Господни! Сердце и плоть моя возрадоваться о Бозе живе!

Блюментрост и Аренгейм усаживают его в кресло.

Алексей. Блюментростушка, утеха цветиков... Не разумеешь? «Блюмен» – цветики, а «трост» – утеха. Имя-то какое милое! Хоть и немец, а родная душа... (Аренгейму). И ты, Карлушка, милый, обоих вас, как родных, полюбил. Ох, батюшки, голубчики, что-то уж очень мне любо с вами да весело... Винца бы выпить?

Блюментрост. Вино вредно вашему высочеству.

Алексей. Ничего, можно, – теперь, говорю, все можно. В последний раз выпить хочется на радостях.

Блюментрост. Какая же радость?

Алексей. Да ведь батюшка простил.

Блюментрост и Аренгейм (вместе). Помиловал?

Алексей. Нет, не помиловал.

Блюментрост. Как же так? Простил и не помиловал?

Алексей. Не спрашивай. Тайна, тайна великая. А винца-то что ж? И вы, и вы со мною, милые!

Аренгейм (Блюментросту, шепотом). Как молит, бедный! Нельзя отказать. Ведь, может быть, и вправду на смерть идет.

Блюментрост. Ну, делать нечего, дайте.

Аренгейм приносит бутылку и стаканы. Наливает и подает.

Алексей (подняв стакан и глядя на свет). Как кровь! Кровь и есть... За что же выпить-то, а?

Блюментрост. За здоровье вашего высочества.

Алексей. Ну, моему здравью конец... А лучше вот что. Много я ругивал батюшку, может, и за дело; а надо и правду сказать: сей кузнец Россию кует из нового железа Марсова, [31] тяжело молоту, тяжело и наковальне, – да зато Россия будет новая. За здоровье государя Петра Алексеевича. Петра Великого!

Блюментрост и Аренгейм. Виват! (Чокаются и пьют).

Алексей. Ну-ка, еще стаканчик.

Аренгейм. Не много ли будет, ваше высочество?

Алексей. Эх. Карлушка, пить – умереть, и не пить – умереть. Наливай!

Аренгейм наливает.

Алексей. А второй за ваше здоровье, немцы вы мои милые. Я и вас ругивал, а тоже правду сказать надо: хорошо-де в ваших краях, вольно и весело. За землю немецкую и за все края Европейские, за волю вольную!

Блюментрост и Аренгейм. Виват! (Пьют).

Алексей. Еще последний, карлушка! небось, больше не буду.

Аренгейм наливает.

Алексей. Ну, а последний – за Русь! Знаю, вы, немцы, земли нашей не любите: плоха-де для вас. Может, и плоха, да не кляните бедную. Сколько терпела и еще сколько терпеть... А и с нами, и с вами один Христос. Ну, так вот и за плевую Русь выпейте! Да молча, молча; с молитвою...

Пьют молча.

Алексей. А как будете в немецких краях, скажите там, что царевич Алексей Петрович за Россию умер. Скажете?

Блюментрост и Аренгейм. Скажем, скажем, ваше высочество!

Аренгейм опускается на колени, целует руку Алексея и плачет. Блюментрост закрывает лицо платком.

Алексей. О чем, миленькие? Плакать не надо. Вон, солнышко как ясно заходит, так пусть и жизнь... Жизнь ли, смерть ли; – все для Господа. Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси. Благослови, душе моя, Господа отныне и во век!

Занавес.

Вторая картина

Там же. На столе гроб с телом Алексея. У гроба дьячок читает Псалтырь. Горят свечи. Белая ночь. Люди входят, крестятся, целуют руку покойника и молча уходят. Два старых Боярина шепчутся.

Второй. Апоплексия, а по нашему удар кровяной?

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org

Первый. Удар, батюшка, удар. Как прочли сентенцию, так и пал замертво.

Второй (тишайшим шепотом). Ну, а вправду-то как? Топором, что ли?

Первый. Бог весть.

Второй (вздыхая). Ох-ох-ох! А гробик-то плохонький!

Первый. Сколотили, видно, наспех, тут же, в застенке.

Второй. И кутейки не поставили. Скучно-де, чай, без кутьи-то покойничку!

Первый. Где уж с кутьею возиться, – и так живет!

Второй. Надёжа-то наша, надёжа Российская, вот она где!

Первый. Все там будем!

Второй. Конец, значит, времена последние?

Первый. Последние, батюшка, последние.

Уходят. Входят Блюментрост и Аренгейм. Отойдя в сторону, шепчутся.

Аренгейм. Да, зверь победил.

Блюментрост. Не знаю. Кажется, не зверь и не Бог, а человек. Страшно было смотреть на лицо его, немногим переживет сына.

Аренгейм. А что скажет народ?

Блюментрост. Ничего не скажет.

Аренгейм. А ведь как любил его!

Блюментрост. Любил и разлюбил. Рабы любить не умеют. Подлая страна, подлый народ!

Аренгейм. Не говорите так. Его страна, его народ. А ведь он...

Блюментрост. Святой? Да, страшная русская святость. Ну, скажем так: непостижимая страна, непостижимый народ!

Входит Петр.

Петр. Ступайте все.

Все уходят. Петр, один, подойдя ко гробу, творит земной поклон, крестится и целует Алексея в голову. Отходит к аналою и раскрывает Псалтырь.

Петр (читает). «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом твоим накажеша мене. яко стрелы твои унзоша во мне, и утвердил еси на мне руку твою. несть исцеления в плоти моей от лица гнева Твоего, несть мира в костех моих от лица грех моих. яко беззакония мои превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне».

Опускается на колени и протягивает руки к телу Алексея.

Петр (с рыданием). Алеша. Дитяtko, чадо мое первородное. Исаак мой возлюбленный!.. Овна не послал, овна не послал. Господи! Не пощадил! Кровь сына, царскую кровь, на плаху я первый излил, и падет сия кровь, от главы на главу, до последних царей, и погибнет весь род наш в крови. Да не будет,
Страница 40

Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosofff.org
да не будет. Господи! Кровь его на мне, на мне одном! Казни меня, Боже, –
помилуй, помилуй, помилуй Россию!

Занавес.

[1918–1919]

Примечания

1

Евангелие от Марка (XIII, 32).

2

Книга Судей Израилевых (XV, 15–19).

3

Речь идет о матери Алексея, царице Авдотье, помещенной Петром в Суздальский монастырь в 1699 г.

4

Навуходоносор был лишен Господом рассудка в наказание за гордыню, он представлял себя волом – «ел траву, волосы у него выросли, как у льва и ногти как у птицы». (IV книга Царств (IV, 27–30)).

5

«И явилось на небе великое знамение – жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откровение Иоанна Богослова, XII, 1).

6

Сундулея Вахрамеевна – верховая боярыня царицы Марфы.

7

Послание св. Апостола Иоанна Богослова (II, 18).

8

Евангелие от Матфея (XX).

9

Лжедмитрий I – Юрий Богданович Отрепьев (ок. 1582–1606) (в монашестве – Григорий) – русский царь (до 1606 г.).

10

Откровение Иоанна Богослова.

11

Северная война (1700–1721).

- Мережковский Д. Царевич Алексей (трагедия в пяти действиях) filosoff.org
12
Евангелие от Матфея (XXV, 25–27).
- 13
Псалтирь (Пс. 115, 2).
- 14
Авессалом – сын царя Давида, поднявший мятеж против отца.
- 15
Любимый корабль Петра I – «Нептун».
- 16
Младший сын Петра I и Екатерины – Петр, родившийся в 1715 г.
- 17
Послушный слуга и сын моего милостивого отца, Алексис. (нем.).
- 18
«Все здесь очень склонны к бунту». (нем.)
- 19
Толстой Петр Андреевич (1645–1729), граф, сенатор с 1714 г., дипломат.
- 20
Псалтырь (89, 10).
- 21
Николло Макиавелли (1469–1527) – итальянский общественный деятель, мыслитель, историк, чье имя употребляется как нарицательное для обозначения политики, использующей ложь, интриги и коварство.
- 22
Исход (XX, 12).
- 23
Евангелие от Матфея (X, 34. 35).
- 24
Жена Алексея, принцесса Брауншвейг-Вольфенбюттельская София-Шарлотта умерла после родов 22 октября 1715 г.
- 25
Исход (XIV, 11, 13–15).

26

Бытие (XXII, 2–6).

27

Приближенный царицы Евдокии, казненный в 1718 г. после дознания по делу царевича Алексея.

28

Приближенный царицы Евдокии, казненный в 1718 г. после дознания по делу царевича Алексея.

29

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716), немецкий философ-идеалист, математик, физик, языковед.

30

или Эрскин Роберт (?–1718) – доктор медицины и философии Оксфордского университета. Родом из Шотландии. Был лейб-медиком Петра I.

31

Марс – один из древнейших богов Италии и Рима, символами которого были копье и двенадцать щитов. По преданию, один из них упал с неба в залог непобедимости римлян.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!